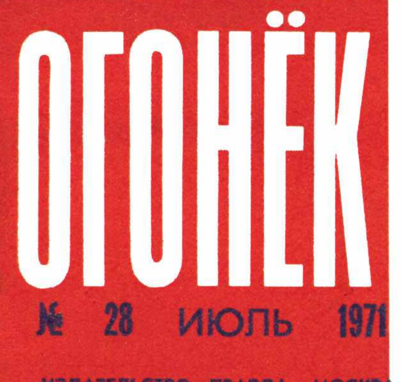

АХ ДҮҮ МОНГОЛ ТҮМЭНД
АРДЫН ХУВЬСГАЛЫНХ НЬ
50 ЖИЛИЙН ОЙН ИХ БАЯРЫГ
ТОХИОЛДУУЛАН ХАЛУУН БАЯР ХҮРГЭЕ!

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ
БРАТСКУЮ МОНГОЛИЮ
С ВЕЛИКИМ ПРАЗДНИКОМ —
50-ЛЕТИЕМ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ!

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Совета Министров Монгольской Народной Республики Ю. Цеденбал на приеме в Кремле.

Фото С. Гурария.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2297)

10 ИЮЛЯ 1971

ВЕРНО МАРКСИЗМУ

Интервью специального корреспондента журнала «Огонек» с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР товарищем Ю. ЦЕДЕНБАЛОМ

ВОПРОС. В жизни Вашей страны и всего социалистического содружества 50-летие Монгольской народной революции — важное историческое событие. Не могли бы Вы сказать нашим читателям несколько слов о главных итогах развития МНР за эти годы?

ОТВЕТ. Главные итоги 50-летнего развития МНР — это ликвидация власти феодалов, господства чужеземных колонизаторов, установление и укрепление народно-демократического строя, устранение зависимости от капиталистического мира, строительство совершенно новой экономики и культуры, коренное преобразование всех сторон общественной жизни страны на началах некапиталистического развития Монголии к социализму. Ликвидированы эксплуататорские классы, сложились новые, дружественные классы социалистического общества, опирающиеся на общественную социалистическую собственность на средства производства. Монгольский народ перескочил через капитализм и обеспечил переход страны от средневековья к социализму, то есть к передовой форме организации общества.

ВОПРОС. Как Вы оцениваете политическое значение некапиталистического пути развития МНР?

ОТВЕТ. Некапиталистический путь развития ранее отсталых стран к социализму возможен. Это доказано теперь и опытом МНР, который подтвердил правоту и жизненность ленинской теории об этом пути социального прогресса. Сейчас, когда на месте бывших колоний и полуколоний появилось много новых независимых государств, исключительно важное значение приобретает вопрос о применении закономерностей некапиталистического развития в условиях этих стран с учетом специфических особенностей каждой из них. В этом состоит политическое значение некапиталистического пути развития МНР.

ВОПРОС. Что было путеводной звездой трудящихся МНР в строительстве новой жизни на началах демократии и социализма, основой их духовного прогресса?

ОТВЕТ. Историческая заслуга нашей партии как партии нового типа заключается в том, что, используя богатейший опыт Великой Октябрьской социалистической революции, она сделала правильные выводы в соответствии со специфическими условиями своей страны, связала революционную борьбу монгольского народа за национальное освобождение, демократию и социальный прогресс с марксизмом-ленинизмом, с международным рабочим движением, прежде всего с героической борьбой рабочего класса Советской России. Революционная идеология рабочего класса — марксизм-ленинизм, ленинское учение о некапиталистическом пути развития Монголии к социализму с самого начала стали путеводной звездой нашего народа в борьбе за строительство новой жизни. Верность МНРП марксизму-ленинизму была и есть залогом всех успехов монгольского народа в строительстве нового общества.

ВОПРОС. Какую роль в победах Монгольской революции сыграла братская традиционная советско-монгольская дружба?

ОТВЕТ. Установление братской дружбы и тесного союза с великим советским народом явилось решающим условием обеспечения победы Монгольской народной революции и основой ее дальнейших успехов. Без всесторонней интернациональной помощи Страны Советов не могла быть успешной национально-освободительная борьба монгольского аратства, находившегося в то время под гнетом китайских милитаристов и внутренних феодалов. Объективная необходимость соединения освободительного движения трудящихся нашей страны с борьбой российского пролетариата была вызвана самой жизнью и стала смыслом практической деятельности монгольских революционеров. На этой классовой основе возникла и развивалась монголо-советская дружба, сыгравшая решающую роль на всех этапах Монгольской революции.

Опираясь на союз и братство с первым в мире социалистическим государством, монгольский народ преодолел многовековую отсталость своей страны, добился выдающихся успехов в создании новой социалистической экономики и культуры, повышении материального благосостояния трудящихся.

Наша партия видит свой долг в том, чтобы беречь испытанную временем монголо-советскую дружбу, основанную великим Лениным и неустрашимым Сухэ-Батором.

ВОПРОС. Не могли бы Вы вкратце охарактеризовать основные особенности современного сотрудничества между СССР и МНР?

ОТВЕТ. Братская дружба и всестороннее сотрудничество с великим Советским Союзом были и остаются решающим фактором успешного продвижения МНР вперед по пути полной победы социализма.

Гранитным фундаментом монголо-советской дружбы и тесного всеохватывающего сотрудничества являются незыблемые принципы марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. Из года в год неуклонно укрепляются нерасторжимые узы традиционной братской дружбы и все более новыми формами и содержанием обогащается многостороннее сотрудничество между МНР и СССР.

Всесторонняя бескорыстная помощь, оказанная великим советским народом за годы прошедшей пятилетки в строительстве целых комплексов промышленных предприятий, сельскохозяйственных, жилищных и культурно-бытовых объектов в различных уголках нашей страны, еще большее расширение и углубление торгово-экономического сотрудничества между МНР и СССР служат успешному построению материально-технической базы социализма в МНР, неуклонному повышению благосостояния монгольского народа.

Продолжение на стр. 4.

СТЬ
У-ЛЕНИНИЗМУ

Москва, 2 июля 1971 года. Траурный митинг на Красной площади.

ПРОЩАН

Первопроходцы космических трасс. Они выполнили свой долг перед Отчизной, внесли огромный вклад в исследование и освоение космоса, начали новый этап познания Вселенной. Своим подвигом, мужеством прославили великую социалистическую Родину, свой народ.

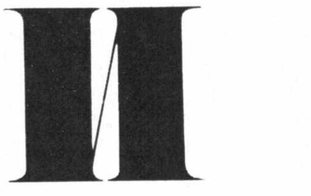
2 июля 1971 года вся Советская страна провожала героев в последний путь. Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии. Сюда нескончаемым потоком идут и идут москвичи, гости столицы, чтобы отдать последний долг экипажу космонавтов «Союза-11».

Почтить память отважных пришли руководители Коммунистической партии и Советского правительства. В почетный караул встают товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, М. С. Соломенцев, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов.

Советские руководители выразили глубокое соболезнование членам семей погибших и их родственникам, находившимся в зале.

Руководители партии и правительства несут урны с прахом Георгия Тимофеевича Добровольского, Владислава Николаевича Волкова и Виктора Ивановича Пацаева к кремлевской стене.

...Красная площадь в траурном убранстве. Тысячи людей собрались сюда, чтобы почтить память героев, верных сынов Коммунистической партии и народа.

На центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, а также заместители Председателя Совета Министров СССР, члены Правительственной комиссии по организации похорон.

Траурный митинг открывает член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко. Слово предоставляется президенту Академии наук СССР М. В. Келдышу. Выступают токарь завода «Красный пролетарий» А. Я. Рыбаков, секретарь МГК партии Л. А. Борисов, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза В. А. Шаталов.

Траурный митинг, посвященный памяти Героя Советского Союза Георгия Тимофеевича Добровольского, дважды Героя Советского Союза Владислава Николаевича Волкова, Героя Советского Союза Виктора Ивановича Пацаева, объявляется закрытым. Руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, члены Правительственной комиссии, летчики-космонавты СССР поднимают урны и направляются к кремлевской стене. Под гром артиллерийского салюта урны устанавливают в нишах. Ниши закрываются мемориальными досками. Звучит Государственный гимн СССР. Перед Мавзолеем в строю проходят воины, отдавая последние почести героям.

В сердце народа, в памяти людской навечно останется бессмертный подвиг отважных сыновей планеты Земля.

Прощание с героями космоса.

Фото А. ГОСТЕВА.

У кремлевской стены.

ЛЕНИНСКИЕ СЛОВА

Д. ТАРВА

Когда,
охраняем степями от пуль
в ночах и рассветах росистых,
герой Сухэ-Батор отправился в путь,
навстречу просторам российским;
когда, препоясанный правды мечом,
под ясной звездой кумачовой,
спешил он,
чтоб встретиться там с Ильичем
и речь услыхать Ильичеву,
и верности твердую клятву сказать —
единства
в труде и оружьи —
и с русским народом навеки связать
монголов
великою дружбой,—
желание родины нес он в себе,
ее сокровенное слово!
Монголия вся уместилась в седле
его жеребца вороного...
Горел революции алый пожар.
Как быть по-иному
могло бы?
И в Кремль,
когда к Ленину путь он держал,
с ним вместе
входили монголы...

Так встретился с Лениным
край мой степной,
стоял с ним,
невидимый,
рядом,
и даль, что меж нами вставала стеной,
как будто растаяла разом!
Какие тогда произнес он слова?..
Чтоб в прежнем вернуть их обличьи,
любая строка,
мне сдается,
слаба,
любой недостанет величья.
Отвергнувшим власть богача и бича,
глотнувшим свободного ветра —
и дружбу и помощь он нам обещал
от имени
мира Советов!

ВЕРНОСТЬ МАРКСИЗМУ-ЛЕНИНИЗМУ

Начало на стр. 1.

Как известно, в октябре 1970 года партийно-правительственная делегация Монгольской Народной Республики посетила Советский Союз, и в ходе имевших место переговоров были определены пути значительного расширения экономического сотрудничества между нашими странами, намечен объем новой большой помощи Советского Союза на предстоящее пятилетие в развитии экономики и культуры МНР.

Сегодняшнее монголо-советское сотрудничество характеризуется неуклонным расширением и постоянным углублением. Это создает необходимые предпосылки для будущего развития процесса экономической интеграции между МНР и СССР, все большего сближения экономик наших братских государств.

ВОПРОС. Каково международное значение 50-летия Монгольской народной революции!

ОТВЕТ. Победа Народной революции и образование монгольского народно-демократического государства в сердце Азии имели огромное значение не только для нашей страны, но и явились крупным событием в жизни народов угнетенного Востока. Монголия перестала быть объектом жестокого колониального господства империалистических держав. Она присоединилась к новому миру, открытому Великой Октябрьской социалистической революцией.

Торжество Народной революции и создание нового общества на нашей земле показали великую жизненную силу преобразующих идей марксизма-ленинизма и укрепили веру народов в победу справедливого общественного строя. Пятидесятилетнее развитие нашей страны по пути социализма — это пример последовательного воплощения в жизнь учения великого Ленина о возможности перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Успехи и достижения монгольского народа за 50 лет служат убедительной демонстрацией великих преимуществ социалистического общественного строя над капиталистическим. В огромных социально-экономических преобразованиях, происшедших на протяжении полувекового развития МНР, проявилась могучая обновляющая сила Монгольской народной революции, принесшей нашему народу полное национальное и социальное освобождение.

ВОПРОС. Каковы главные итоги проходившего недавно в Улан-Баторе XVI съезда МНРП!

ОТВЕТ. Мы с глубоким удовлетворением отмечаем, что наш съезд проходил в духе полного единства и сплоченности рядов монгольских коммунистов, принципиального и делового подхода к вопросам внутреннего развития страны, в духе незыблемой верности бессмертным идеям марксизма-ленинизма. Мы убеждены, что претворение в жизнь решений XVI съезда МНРП ознаменует собой новую важную веху в деле дальнейшего расцвета нашей социалистической родины, принесет новые победы нашему трудовому народу в борьбе за полное построение социализма в МНР.

Содержательные и волнующие выступления на съезде представителей коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий различных стран мира вылились в яркую демонстрацию единства наших целей и интересов в общей борьбе за дело рабочего класса, торжество идеалов социализма и коммунизма, за победу справедливого дела всех антиимпериалистических сил.

Коммунисты и трудящиеся МНР с чувством особой радости и удовлетворения восприняли вдохновляющее выступление на нашем съезде главы делегации ленинской Коммунистической партии Советского Союза члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, в котором дана достойная оценка испытанной монголо-советской дружбе, прошедшей в течение полувека великие испытания в классовых боях за дело мира, демократии и социализма.

В заключение интервью товарищ Цеденбал сказал:

— Последние годы занимают важное место в выполнении четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР на 1966—1970 годы. За это время наш народ под руководством МНРП, опираясь на братскую помощь Советского Союза и других социалистических стран, добился существенных сдвигов в дальнейшем подъеме экономики и культуры, повышении своего материального благосостояния. За истекшую пятилетку производство валовой продукции народного хозяйства выросло на 22,7 процента, а продукция социалистической промышленности увеличилась на 58,9 процента. За прошедшие три года были построены и сданы в эксплуатацию десятки промышленных и сельскохозяйственных предприятий, сотни тысяч квадратных метров жилой площади.

За эти годы быстро развивались народное просвещение, здравоохранение, культура и искусство, неуклонно повышался уровень материального благосостояния трудящихся.

Ныне наш народ приступил к выполнению нового пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры страны на 1971—1975 годы.

В годы новой пятилетки наша страна сделает важный шаг в деле развития материально-технической базы социализма, в дальнейшем повышении благосостояния трудящихся.

Немало и лет пролетело
и бурь
с тех дней, грозовых, кумачовых,
когда Сухэ-Батор отправился в путь,
чтоб речь услыхать Ильичеву.

А ленинским словом и ныне жива
вся дружба священная
с теми,
кто в тысячи дел претворяет слова,
идет к нам с подмогою
в стéпи!
И сердце завязано,
как узелок
той памяти, вечно звучащей.
Слова те
и ныне живут,
как залог
великого
братства и счастья!

Перевел с монгольского
Александр НАУМОВ.

Народная артистка МНР, руководитель уланбаторского драматического театра Оюун, дочь Эрдэнэбатхана, который был переводчиком во время встречи Сухэ-Батора с В. И. Лениным, прислала в редакцию письмо, которое мы публикуем.

50 лет монгольской революции!
Это годы борьбы, трудностей, строительства
нашей новой республики! И все эти
годы мы всегда и всюду с
нашими истинными, бескорыстными
друзьями - советскими людьми!
И в тяжелом, и в светлом всегда
мы чувствовали и видели поддерж-
ку, помощь наших искренних
друзей из Большой, Великой
страны - Советского Союза.
В дни нашей великой радости,
радости 50 летия нашей
счастливой новой жизни.
мы хотим выразить Вам
наше большое, преогромное
спасибо за всё!
Пусть расцветает еще больше
Ваша Родина - Сов. Союз -
оплот мира и дружбы
на земле!
Оюун. Э.

АВАНГАРД

Валентин ШАРОВ

Теперь звучит привычно: «Рабочий класс Монголии, монгольская техническая интеллигенция». С трибуны XVI съезда МНРП была приведена такая цифра: за минувшую пятилетку в числе нового пополнения рабочего класса на предприятиях города Улан-Батора «выходцы из рабочих» составляют 54,1 процента. Это значит, в республике формируется поколение потомственных рабочих.

Чтобы в полной мере читатели могли оценить это, напомню некоторые факты из недавнего прошлого. В дореволюционной Монголии имелись и электростанция, и телефон, и телеграф, и кирпичный заводик. Но все это было либо игрушечным по своим масштабам, либо принадлежало иностранцам и ими, кстати, и обслуживалось. «Единственным действительно промышленным предприятием в Монголии,— писал академик Иван Михайлович Майский, побывавший в стране в 1919 году,— были угольные копи в урочище Налайх в сорока километрах от Урги». А на копях трудились сорок рабочих. Добывали они в год 1 500 тонн угля.

Впрочем, незачем ходить за фактами так далеко. Еще в середине тридцатых годов, когда на столичном промкомбинате пускали первую в Монголии современную электростанцию, в республике не нашлось четырех инженеров для ее эксплуатации... Теперь же только на одной Дарханской ТЭЦ имени Владимира Ильича Ленина около ста инженеров и техников.

С этого предприятия началось в свое время мое знакомство с современной Монголией. ТЭЦ молода, как сама индустрия республики, как рабочий класс ее. Главный инженер станции Р. Дашцэрэн, понятно, тоже молод, но считается старожилом ТЭЦ, «самой историей ее».

Энергию ТЭЦ дала в 1965 году. Тогда коллектив ее состоял из 130 советских специалистов плюс монгольский технический персонал и молодые, неопытные рабочие. Сейчас в коллективе около 350 человек. Специалистов-консультантов из Советского Союза — единицы. ТЭЦ выполняет планы, работает рентабельно, дает прибыль.

Чудо? Нет! Содружество специалистов двух стран, упорная учеба монгольских энергетиков, забота партийных организаций города о национальных кадрах позволили в короткий срок сформировать квалифицированный производственный коллектив, способный управлять современной техникой.

Я вспоминаю встречи и беседы на станции. Токарь Мягмар, машинист котла Цог, машинист турбины Сумъябатор, инженер Ванчиндорж, начальники цехов Бата и Цаган... Что для них характерно? Пожалуй, неутомимая жажда знать больше, овладевать высотами науки и техники.

Один интересуется использованием управляемых реакторов для компенсации реактивной нагрузки в энергосистемах. Другой изучает распространение в местных углях редких элементов. А на столе главного инженера я увидел монографию академика Л. А. Мелентьева об экономике энергетики СССР. Оказывается, Дашцэрэн исследует режимы регулирования и распределения нагрузок в энергосистемах.

— А надо ли это для Монголии? — спросил инженера один иностранный турист.

— Опоздали с вопросом,— с достоинством ответил Дашцэрэн.— В Монголии создана и действует энергосистема центральных районов...

Возникновение рабочего класса страны — один из главных итогов полувекового развития Народной Монголии по социалистическому пути. Нынешние энергетики, горняки, металлисты, строители — это в прошлом в своей массе араты-скотоводы или дети аратов. Они не знали вообще характера современного индустриального труда с его поточным производством, четкой организацией, строгой дисциплиной. Речь идет поэтому не просто о профессиональной подготовке нескольких тысяч юношей и девушек. Происходит крутая ломка традиционных взглядов на труд, привычек, навыков, всей психологии, обусловленных многовековым кочевым образом жизни.

То, что сделано в этом направлении за полвека народной власти, можно охарактеризовать одним словом — **подвиг**. Я позволю для пояснения своей мысли привести несколько цифр. Ныне в Монголии в промышленности, строительстве, на транспорте и связи занято около 90 тысяч рабочих и служащих. И какие это специалисты! Из каждой тысячи работающих, например, в топливно-энергетической промышленности 127 человек имеют высшее и среднее образование.

Удельный вес индустрии в экономике страны неуклонно повышается. Ныне промышленность МНР производит 34 процента совокупного общественного продукта, более 60 процентов суммарной продукции сельского хозяйства и промышленности. Промышленная продукция составляет примерно половину экспорта страны и общего объема розничного товарооборота.

Но что особенно важно, монгольский рабочий класс на передовых предприятиях показывает образцы современной работы, на уровне самых высоких требований. Он выполняет роль ведущей силы дальнейшего социалистического развития страны. Он идет во главе технического прогресса, он инициатор важнейших начинаний и починов.

Рабочие-железнодорожники в свое время бросили призыв: «Жить и работать по-социалистически!». Сегодня движение за социалистический труд — одна из самых массовых и действенных форм социалистического соревнования. Рабочие столицы первыми начали соревнование за повышение эффективности качественных показателей производства. За полтора года они внесли в копилку страны 31,5 миллиона тугриков. Сейчас нет ни одного коллектива в стране, который не последовал бы их примеру. По инициативе рабочих в МНР развернулось массовое движение рационализаторов и изобретателей. За пятилетку оно дало экономию стране 53,6 миллиона тугриков. Никто так не восприимчив к новому, никто так смело не опрокидывает привычные нормы труда, как рабочий класс. И жизнь во всем своем многообразии убеждает в этом каждодневно, ежечасно.

...В Шарын-Гол, на угольный разрез, меня привело известие о том, что коллектив впервые достиг месячной проектной мощности по добыче топлива. В чем причина успеха? Главный инженер П. Очирбат говорил о том, что удалось применить технические и организационные новшества, которые позволили вывозить породу из карьеров в любую погоду во все времена года. Он говорил об экскаваторщике Ч. Цэрэндорже, депутате Великого Народного Хурала МНР. Выработка экипажа, который он возглавляет,— 759 тысяч кубометров вскрышной породы в год, рекордная для карьера!

...Шаг за шагом социалистическая Монголия идет к превращению в индустриально-аграрную страну. Это необходимая и закономерная ступень развития республики по пути создания материально-технической базы социализма. Решающую роль в этом процессе играет молодой рабочий класс республики, все более и более укрепляющий свою авангардную роль в обществе.

Улан-Батор.

Муин БСИСО

НАШ ФАКЕЛ

У арабов есть народная легенда.

Летела стая птиц. Сильный ураган подбил одну птицу, и она опустилась на землю. Крона дерева, под которое она села, не уберегла ее перьев — главного «птичьего достояния», и не сумела птица подняться в воздух. Но в стае заметили ее отсутствие и стали искать, а когда нашли, то птицы вырвали по перу из своего крыла и отдали подруге, чтобы она снова смогла взлететь с ними в воздух.

Эта легенда напоминает суть братских отношений арабских народов со странами социализма, во главе которых — великий Советский Союз...

Новый мир строится на базе научного социализма, в основе которого лежит марксизм-ленинизм.

Новый мир опрокидывает законы старого леса, в котором господствуют клыки империалистических хищников; им больше не удастся вонзать когти в шею национально-освободительного движения, им не скрыть следов своей агрессии и не уйти от наказания.

* * *

История арабско-советских отношений имеет глубокие корни.

Когда арабское национально-освободительное движение еще нетвердо стало на ноги, когда американские империалисты в период своего экономического давления на Египет пытались объявить банкротство национальной египетской экономики, когда они отказались финансировать строительство Высотной плотины, Советский Союз стал на защиту арабского национально-освободительного движения и смешал пот советских инженеров и специалистов с потом египетских инженеров и рабочих, и они построили эту гигантскую пирамиду, которая называется Асуанской. Электричество зажгло факел арабско-советской дружбы. Этот факел не погасить империалистам и их марионеткам.

Объединились руки Нила и Волги. Империалистам не разъединить их. Великая дружба и сотрудничество между Объединенной Арабской Республикой и Советским Союзом закреплены ныне в договоре между нашими странами. Напугалась биржа империалистической пропаганды, упали ее акции. Желчные бумажки, ею распространяемые, нашли свое место в мусорном ящике.

Пропаганда против арабско-советской дружбы обнажила себя, и никакие неоновые рекламы не смогут скрасить неприглядной наготы этой пропаганды.

Последний договор — это не торжественное открытие советско-арабской дружбы, а удар по агрессорам и их покровителям. Израильские агрессоры хорошо понимают: все, что спланировали им американские стратеги, рухнет, а сладкие сны о разладе арабско-советской дружбы превратятся в кошмар. Израильские агрессоры также знают, что агрессия их потерпит поражение, а все их заговоры разобьются о стальную твердыню арабско-советской дружбы.

История может предложить много примеров, которые должны сдержать пыл агрессоров. Наполеон потерпел поражение под стенами города Акка, но этот урок мало что дал захватчикам, и они решили повторить наступление на Москву, где во второй раз были разбиты их черные надежды.

...В те старые времена в руках аль-Джазара-паши был только топор, с которым он не расставался. Наполеон говорил своим офицерам, что он выбьет топор из рук паши и сделает из него подкову своей лошади, однако топор не выпал из рук аль-Джазара-паши и никогда Наполеон не выковал из его стали ни одной подковы.

Американские империалисты и их марионетки сами решили свою судьбу: их погасшие спички не сравнятся с электричеством арабско-советского сотрудничества, их руки не дотянутся до стальной скалы — живого воплощения арабско-советской дружбы, из которой они хотели отлить гусеницы для своих танков, чтобы давить ими землю арабов.

В рассказе Джека Лондона, одного из любимых американских писателей Владимира Ильича Ленина, описывается борьба между человеком и волком, которая кончается победой человека. Эта борьба сейчас идет между новым человеком арабских стран за свободу, мир и социальную справедливость и израильским фашистским волком, которая, несомненно, с помощью и при поддержке социалистической семьи во главе с Советским Союзом закончится победой человека над волком. А дерево арабско-советской дружбы будет расти все глубже, пуская корни в землю.

Арабско-советская дружба — прочная гарантия победы национально-освободительного движения над мировым империализмом во главе с американским и его израильскими приспешниками. Уходят времена американского 6-го флота в Средиземном море, а народы мира тянутся к Советскому Союзу, который, как магнитная гора, притягивает к себе все благородное, смелое и прекрасное, что есть в нашем мире.

Перевод с арабского Татьяны БОЛОТОВОЙ

ДОГОВОР ВСТУПИЛ В СИЛУ

В Советском Союзе в качестве гостя Советского правительства с 29 июня по 4 июля 1971 года находился заместитель премьер-министра и министр иностранных дел ОАР Махмуд Риад.

В Доме приемов 1 июля состоялся обмен ратификационными грамотами советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве, подписанного 27 мая 1971 года в Каире Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и президентом ОАР Анваром Садатом. С момента обмена грамотами договор вступил в силу.

Обмен ратификационными грамотами был произведен министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и заместителем премьер-министра и министром иностранных дел ОАР Махмудом Риадом.

2 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял заместителя премьер-министра и министра иностранных дел ОАР М. Риада. Во время беседы между Л. И. Брежневым и М. Риадом, которая проходила в дружественной и сердечной обстановке, были рассмотрены вопросы советско-египетских отношений, а также некоторые проблемы современного международного положения. Всесторонне обсуждению были подвергнуты вопросы, связанные с положением на Ближнем Востоке, создавшимся в результате продолжения империалистической израильской агрессии и упорного саботирования правительством Израиля всех усилий, направленных на выполнение всех положений резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

В беседе приняли участие министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, посол СССР в ОАР В. М. Виноградов и посол ОАР в Советском Союзе М. Галеб.

4 июля Махмуд Риад выехал из Москвы в Прагу.

На снимке: во время приема (слева направо) заместитель премьер-министра и министр иностранных дел ОАР М. Риад, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Фото В. Соболева. ТАСС.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

В ЧЬИХ ИНТЕРЕСАХ?

Николай БРАГИН

Рупоры пропаганды крупнейших монополистических объединений Западной Европы, а также многие органы печати США продолжают широко комментировать достигнутую недавно на переговорах в Люксембурге договоренность о вступлении Англии в «Общий рынок». При всем многообразии аргументов и нюансов в оценке этого события большинство обозревателей сходится на том, что в основе люксембургского решения лежит стремление монополистических корпораций западноевропейских стран путем компромисса ослабить остроту существующих между ними противоречий, создать предпосылки для большей координации политики «шестерки» и Англии как в экономическом и социальном плане, так и в подходе к важнейшим международным проблемам.

Этот компромисс был достигнут в упорном торге, в ходе которого каждая из сторон стремилась добиться максимальных уступок от партнера по переговорам, выторговать наиболее выгодные условия для проникновения в экономику друг друга. Торг, по свидетельству английского представителя на переговорах Риппона, завершился «комплексной сделкой».

За доступ в Европейское экономическое сообщество консервативное правительство Англии согласилось внести первоначальный взнос в бюджет «Общего рынка» в сумме 100 миллионов фунтов стерлингов, резко сократить импорт сельскохозяйственных продуктов из стран Британского содружества, в частности дешевого масла и молочных продуктов из Новой Зеландии. Лондон пошел и на уменьшение роли фунта стерлингов как резервной международной валюты. Страны «шестерки» получат свободный доступ на внутренний английский рынок.

Не составляет труда представить себе, что это неизбежно поставит в крайне трудное положение ряд отраслей британской промышленности, приведет к серьезному повышению цен прежде всего на продовольствие, что ляжет тяжелым бременем на бюджет трудящихся. Не потому ли абсолютное большинство англичан решительно противится претворению в жизнь люксембургской сделки?

Недавно мне довелось побывать на Британских островах. Я встречался с представителями политических и деловых кругов страны, с простыми англичанами в Лондоне и Манчестере, Ливерпуле и Бирмингаме, Ковентри. И всюду собеседники с тревогой говорили о том, что они не только не разделяют наигранного оптимизма консерваторов, но искренне опасаются за последствия готовящегося прорыва Англии в «Общий рынок».

Оппозиция готовящемуся браку с «шестеркой», засвидетельствовали в штаб-квартире лейбористской партии, особенно сильна среди профсоюзов, она растет и в рядах партии. На днях стало известно, что, несмотря на маневры правого руководства лейбористской партии, решено созвать 17 июля чрезвычайную конференцию лейбористов для обсуждения вопроса о вступлении Англии в «Общий рынок». «Вполне возможно,— пишет английский еженедельник «Трибюн»,— конференция решит выступить против вступления в ЕЭС». В целом по стране до 70 процентов населения говорит «нет!» планам консерваторов. А это значит, что правительству Хита придется выдержать серьезный бой внутри страны по вопросу, который он поспешил объявить, по существу, «решенным».

Что же побуждает тори так настойчиво рваться в «Общий рынок»? Ответ на этот вопрос, по-моему, не может быть односложным. Во-первых, с экономической точки зрения крупнейшие монополистические корпорации Великобритании рассчитывают на завоевание новых позиций на внутренних рынках шести западноевропейских стран. Ради этого они готовы пожертвовать интересами широких слоев английского народа. Во-вторых, вторгаясь в «Общий рынок», Англия открывает дополнительные каналы для экономического проникновения в Западную Европу монополистического капитала США, в целом ряде отраслей промышленности тесно сотрудничающего с английскими корпорациями. Эту сторону вопроса тщательно затушевывают сторонники сговора между ЕЭС и Англией. На деле же, как об этом поведала западная печать, американский капитал уже захватил 20 процентов ключевых секторов английской промышленности.

Таким образом, за планами Лондона в отношении «Общего рынка» тенью стоят США. Это особенно ярко проявляется в тех политических целях, которые ставит перед собой правительство консерваторов. Главная задача сообщества, утверждает премьер-министр Хит, состоит в том, чтобы «всемерно укреплять оборонную мощь Запада». Иными словами, хотя и в более завуалированной форме, чем натовский генералитет, лидер тори ратует за сколачивание некоего западноевропейского ядра Североатлантического блока, что, естественно, не может не настораживать жителей Европы, заинтересованных в разрядке на своем континенте и создании наиболее благоприятных условий для быстрейшего созыва общеевропейского совещания по проблемам безопасности и сотрудничества всех стран континента.

Жизненные интересы всех европейцев настоятельно диктуют необходимость претворения в жизнь конструктивных предложений стран социалистического содружества, направленных на превращение европейского континента в зону прочного мира, безопасности и подлинного общеевропейского сотрудничества.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПОДВИГ

Тягостно.
Горько.
Больно.
Сквозь холода и зной
горя людского волны
катятся над Землей.
Тихо.
Безмолвно.
Немо.
Мир для троих оглох.
Скорбно сомкнулось небо
над головами трех.
Но не померкнет сроду
подвига их звезда,
сблизив саму Природу
с дерзкой мечтой Труда.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

●

Три наших парня...
Как в штыки,
Ходили,
в космос били метко...
Вдруг не вернулись из разведки
Вы, звездных лет фронтовики.

Нет, вы вернулись.
Как же так?
Так почему же вы молчите?
Приспущен скорбно алый флаг.
Сердца героев, застучите!

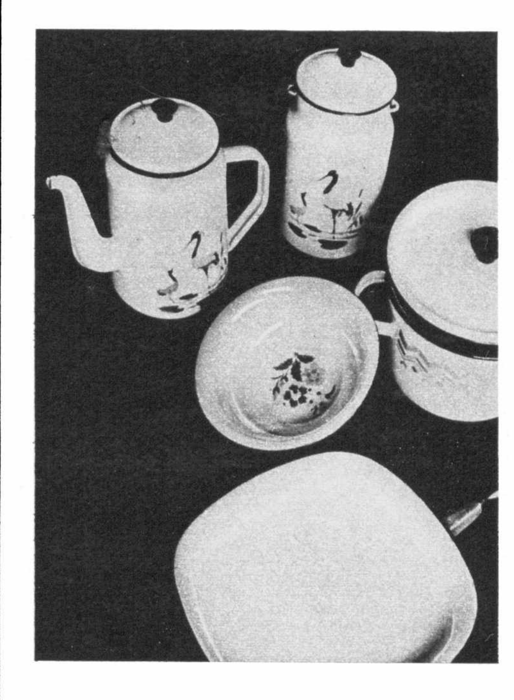
Не застучат.
Скорбит страна.
Друзья в почетном карауле.
Ваш подвиг жив в ракетном гуле:
На звездах, что вдали сверкнули,
Напишут ваши имена.

Владимир ФЕДОРОВ

Вести из министерств

...ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ СССР

АИСТЫ И ШИШКИ

Полосатые зелено-белые молочники грушевидной формы, яркие аккуратные чашечки с блюдцами, молочного цвета кофейник с аистом на боку, бидоны с кедровыми шишками, солнечные, оранжево-белые кастрюли... Казалось бы, какое все это имеет отношение к домнам и мартенам? И все же — самое непосредственное. Эта красивая посуда, формами, красками способная поспорить с керамикой и фарфором, сделана из холоднокатаного стального листа. 57 процентов всей эмалированной кухонной и хозяйственной утвари в стране производится на заводах и комбинатах черной металлургии. И наиболее эффектные образцы ее представлены на площади имени Ногина, в Министерстве черной металлургии СССР.

— Однако все, что вы видите,— это наши возможности, то, на что мы способны,— комментирует член коллегии министерства, начальник производственного управления В. С. Бычков.— К сожалению, выпускается такой посуды недостаточно. Принимаются серьезные меры, чтобы увеличить производство нужной людям продукции. И уже в 1971 году будет изготовлено ее на треть больше, чем в прошлом. Идет реконструкция цехов на Лысьвенском и Новомосковском заводах. Намечено построить четыре новых цеха — на Череповецком, Керченском, Узбекском заводах и на «Амурстали». Но вот беда: для расширения производства необходимы прессы, печи и другое технологическое оборудование. А министерства станкостроительной и инструментальной промышленности и электротехнической промышленности еще не приступили к его изготовлению. На наш взгляд, медленно раскачивается и местная промышленность и другие министерства, на долю которых приходятся остальные сорок три процента выпускаемой в стране эмалированной посуды.

Г. ВЛАДИМИРОВА

...ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РСФСР

РЕКТОР ЕДЕТ УЧИТЬСЯ

Ректоры и преподаватели медицинских вузов РСФСР собрались в Перми. Здесь проводилось важное совещание по проблемам высшего медицинского образования. Почему именно в Перми?

— Потому, что в Пермском медицинском институте и у пермских медиков вообще есть чему поучиться,— рассказал корреспонденту «Огонька» начальник Главного управления учебных заведений Министерства здравоохранения РСФСР В. А. Бабичев.

...Нередко выпускники вуза стремятся получить назначение в столицу или в крупный город. А пермские студенты-медики чаще просят направление в район или в дальнее село. Иные оговаривают при этом: «Желательно бы в нашей, в Пермской области»... Такая привязанность объясняется прежде всего интересной работой кафедры общественных наук этого института, умеющей прививать студентам любовь к родному краю. В институте создали образцовый музей. Раскрывая теоретические основы советского здравоохранения, рассказывая о достижениях медицинской науки и практики, здесь не забывают и о работе местных органов здравоохранения.

И еще одно интересное дело: изучению иностранных языков в институте помогает техника. Лингафонный кабинет оборудован двусторонней связью «студент — преподаватель». Перфокарты, световые табло, схемы, тренажеры — весь ряд современных технических средств поставлен на службу преподавателю. Заметную помощь в учебном процессе оказывают диафильмы. Студенты и преподаватели сами создают киноленты и диапозитивы. 15 их фильмов приняты к серийному выпуску объединением «Медучпособие».

О коллективе этого медицинского института, отмечая его плодотворную деятельность, говорили в своих докладах на пермской встрече министр здравоохранения РСФСР В. В. Трофимов и заместитель министра С. Я. Чикин. Проведенная в Перми встреча ректоров и организаторов здравоохранения стала заметным событием в жизни высшей медицинской школы.

К. БАРЫКИН

На снимке: ректоры и преподаватели медицинских институтов на кафедре биологии Пермского медицинского института.
Фото И. Тункеля.

А. Бурзянцев (Уфа). НОВОСЕЛЬЕ.

Выставка произведений художников автономных республик.

Я. Титов. ФУТБОЛ. АТАКА.

Выставка «Московские художники — советскому спорту».

И. Ивановский. ВЕЧЕР.

ПЕРЕШАГНУВШИЕ ВЕКА

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Меня ожидает еще одна поездка в Монголию, страну, которую я глубоко полюбил за широту природную и человеческую. Перелистываю свои монгольские записные книжки. В памяти оживают встречи с прекрасными людьми, бескрайние степи, живописные горы и долины, новые города и стройки... Казалось бы, все известно, обо всем рассказано. Но вот обращаю внимание на один красочный плакат: всадник, несущийся с красным знаменем, перепрыгивает через черную пропасть — символика удивительного исторического развития, которое прошел монгольский народ от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию.

А что, если попытаться найти людей этой удивительной страны, которые одними из первых перешагнули века? Но с чего начинать их поиск? И мне помог наш журнал «Огонек» (№ 13 от 22 марта 1925 года). Опубликованная в нем статья «Будущая Монголия» рассказывает о первых посланцах этой страны, проходивших обучение в Ленинградском восточном институте.

Где они теперь? С этим вопросом я обратился к главному редактору газеты «Унэн» товарищу Намсараю, отличному журналисту, отзывчивому и доброму другу. Он обещал помочь... Через несколько дней меня вызвал к телефону Улан-Батор.

— С вами говорит,— раздался в трубке приятный голос,— редактор отдела информации газеты «Унэн» Уртнасан. Мы нашли двух человек, о которых вы наводили справки. В Улан-Баторе я организую встречу с ними.

С большим волнением вез я фотокопию статьи журнала «Огонек» в страну, для которой будущее через сорок шесть лет стало ее осязаемым настоящим. Но о встречах в Улан-Баторе позднее. О чем же говорилось в этой статье?

В РЕСПУБЛИКУ СОВЕТОВ

Молодое республиканское правительство Монголии, писал «Огонек» в 1925 году, решило командировать за границу небольшую группу молодежи для завершения образования.

«Перед ним,— говорилось в статье,— стоял выбор — Советская Россия или Америка? Всеми доступными ей мерами боролась Республика Долларов против Республики Советов, предлагая монгольскому правительству самые льготные условия командировки и обучения монгольской молодежи в американских школах. Даже сотен тысяч своих зелененьких «линкольнов» и «вашингтонов» не пожалели бы они на такое «святое» дело. Так высоко ценила хитрая Республика Долларов преимущественное право «обработки» монгольской молодежи соответственно видам и целям североамериканского империализма. Ибо в будущем эта горсточка культурных и образованных монголов должна была бы превратиться у себя на родине в проводников идеологии долларов. Но группа монгольской молодежи попала в Ленинградский институт живых восточных языков».

В этой цитате затронута одна из самых жгучих проблем того времени, когда Монголия выбирала себе главный путь развития. Во время интервью с Первым секретарем ЦК МНРП товарищем Ю. Цеденбалом я обратился к нему с вопросом, как в двадцатые годы решалась проблема учебы монгольской молодежи за границей.

— Состоявшийся в 1924 году III съезд МНРП,— ответил товарищ Ю. Цеденбал,— обосновал некапиталистический путь развития Монголии как единственно правильный путь страны к социализму. Однако против этой генеральной линии партии предпринимались неоднократные атаки со стороны правооппортунистических группировок. Они мешали, в частности, нашей молодежи выезжать учиться в Советский Союз и предлагали командировать ее для получения образования в капиталистические государства. Правые утверждали, что Монголия во что бы то ни стало должна пройти фазу капитализма и только после этого начать строить социализм. Но им не удалось свернуть партию с единственно правильного пути. В 1928 году правые группировки были полностью разоблачены. Наша молодежь училась и учится в Советском Союзе, а также в других социалистических странах. Жизнь доказала правильность этого мудрого шага нашей партии.

...В статье «Будущая Монголия» рассказывается, что на самой окраине Ленинграда, в Новой Деревне, было создано общежитие для монгольской молодежи. В первой группе, прибывшей в Ленинград, было 24 человека. По-русски почти никто еще не говорил. Но дело обучения быстро продвигалось вперед. В группе была одна девушка, которая в первые же дни обогнала своих товарищей, выучив несколько десятков русских слов. (Эта девушка была сфотографирована на обложке «Огонька» № 10, 1 марта 1925 года.)

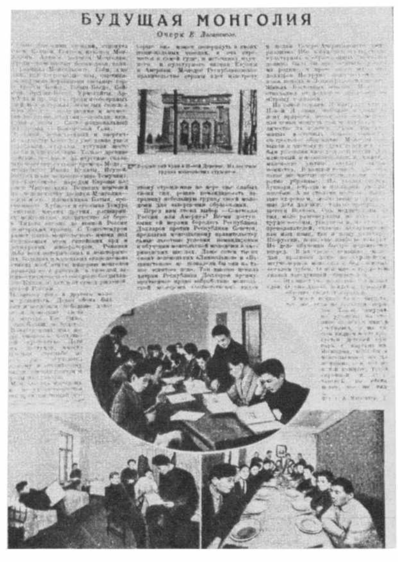
«Их симпатия,— писал «Огонек»,— к Республике Советов вне сомнения, ибо все они еще там, далеко у себя на родине, состояли членами Монгольского революционного союза молодежи. А на днях они выразили желание, все до единого, вступить в Российский комсомол... Все они, дети скотоводов, степняков, и в социальном и в классовом отношении представляют собою отличный материал для восприятия идей коммунизма».

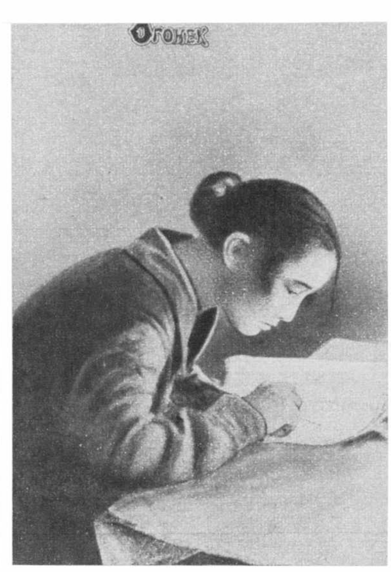
ДЕТИ СКОТОВОДОВ

Перенесемся мысленно в дореволюционную Монголию. Это была одна из самых отсталых стран Азии, забитая и нищая. 700 монастырей и 100 тысяч лам держали народ в духовном порабощении, а местные феодалы и иноземные пришельцы — в физическом. В Монгольской государственной библиотеке я прочитал выдержку из одного западного справочника. Он сообщал в начале девятисотых годов, что монголы «живут в бедности и грязи. Их столица Урга (Народная Монголия переименовала ее в Улан-Батор) полна нищих, дерущихся из-за объедков и умирающих на глазах бесстрастных прохожих».

...1907 год. В двух убогих юртах скотоводов-батраков, юртах, находящихся друг от друга на расстоянии многих сотен километров, родились мальчики. Одному дали имя Равдан, а другому — Эрдембелиг. Оба они в детстве часто слышали от старших одну и ту же народную легенду о храбром Амурсане, который, спасаясь от мести феодалов и маньчжурских завоевателей, ушел за помощью в Россию. Прощаясь со своим народом, Амурсан обещал обязательно вернуться и принести свободу своей родине. И, когда в начале двадцатых годов на севере Монголии партизаны Сухэ-Батора и Чойбалсана наносили поражения оккупантам и белобандитам с помощью советских красноармейцев, старики араты взволнованно восклицали: «Возвращается Амурсан! Он получил помощь с севера, помощь русского народа, о которой так мечтали наши деды и прадеды!»

Равдан и Эрдембелиг с семи лет уже пасли скот помещика. В степи они самостоятельно учились грамоте. На доске, намазанной бараньим жиром и посыпанной землей, веткой кустарника выводили буквы старого монгольского алфавита. Так постепенно они научились читать и писать. Каждому из них исполнилось четырнадцать лет, когда в Монголии победила Народная революция. И только тогда они узнали, что Амурсан — всего лишь вымышленный герой народного сказания, а Сухэ-Батор и Чойбалсан — подлинные вожди народа, которые возглавили освободительную борьбу и привели к победе. Равдан и Эрдембелиг вступают в революционный союз молодежи, а в 1924 году избираются делегатами III съезда Ревсомола. На этом съезде был объявлен набор молодежи, которая желает учиться в Советском Союзе. В первую группу попадает Равдан, а год спустя, во вторую,— Эрдембелиг. На лошадях они проделывают путь от Урги до

БУДУЩАЯ МОНГОЛИЯ

Статья из журнала «Огонек» № 13, 22 марта 1925 года, «Будущая Монголия».

Обложка журнала «Огонек» № 10, 1 марта 1925 года.

Среди студентов Ленинградского восточного института Эрдембелиг (×) и К. П. Кудров (××).

Верхнеудинска, а затем поездом направляются через Москву в Ленинград. Это путешествие продолжалось около месяца. Впервые дети скотоводов-кочевников услышали русскую речь, впервые увидели города, о которых раньше не имели никакого представления.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК РАВДАН

Генеральный штаб Монгольской народной армии. Нас встречает офицер и провожает в кабинет генерал-полковника Равдана. Он идет навстречу. Садимся за стол.

— Вы знаете,— начинает Равдан,— после телефонного звонка из газеты «Унэн» в течение этих дней я вспоминал молодость, всю долгую жизнь. Честно говоря, мне все время казалось, что жизнь еще только начинается, а как много уже пройдено лет!

— Узнаете? — Я показываю Равдану фотокопию статьи из «Огонька» 1925 года.

— Да, да! Конечно! Я даже помню обложку «Огонька» с нашей монгольской студенткой.

— Как ее зовут? Как сложилась ее дальнейшая судьба? Дело в том, что журнал не назвал ее имени. Под ее фотографией была такая подпись: «Девушка-монголка, студент Института восточных языков, готовится к просветительной работе среди женщин своего народа».

— Ну, как же! Я очень хорошо ее знал. Тувансурэн скончалась в прошлом году от тяжелой болезни. В студенческие годы она вышла замуж за моего друга, который учился в Москве. Всю жизнь работала у нас, в министерстве обороны МНР...

— Товарищ Равдан, расскажите, пожалуйста, о самых сильных ленинградских впечатлениях.

— О! Это были радостные дни моей жизни. Ленинград прорубил мне окно к знаниям, в светлое будущее. Мы очень много работали. Русский язык давался трудно. Помогали советские друзья. Только что я получил письмо от своего однокашника Георгия Михайлова. Прочтите его...

Михайлов пишет, что узнал из газет о награждении Равдана в связи с 50-летием Монгольской народной армии орденом Ленина, горячо поздравляет с высокой наградой, вспоминает старых друзей. «Почти никого не осталось,— читаю письмо.— Многие погибли во время войны... Саратов со связкой гранат бросился под фашистский танк, погиб на войне Авдеев...» Записываю в блокнот московский адрес Михайлова.

— Вы просили рассказать,— продолжал Равдан,— о сильном впечатлении. Помню, 21 января 1925 года я шел по Невскому проспекту. Вдруг на улице все замерло. Я растерялся. Подбегал то к одному, то к другому прохожему и лепетал что-то невнятное. Все стояли молча, не обращая на меня внимания. Через минуту или две все снова пришло в движение. Позднее я узнал, что так колыбель революции отметила первую годовщину со дня смерти Владимира Ильича Ленина... Когда я вернулся в Монголию, то дал себе клятву, что не покладая рук буду трудиться во имя своего народа, во имя торжества социализма.

Равдан прошел армейскую службу от солдата до генерал-полковника. Он участвовал в боях у реки Халхин-Гол, сражался с японскими милитаристами. В 1939 году во время халхингольских событий познакомился с Маршалом Советского Союза Г. Жуковым. Монгольский народ неизменно выбирает генерал-полковника Равдана депутатом Великого народного хурала.

— Сколько у вас детей и чем они сейчас занимаются? — спрашиваю я в заключение беседы с товарищем Равданом.

— Семья у меня большая. Дочь Онон — врач, окончила Будапештский медицинский институт, сын Бата — инженер-электрик, окончил Киевский политехнический институт. Сейчас он работает начальником цеха на Дарханской ТЭЦ, построенной с помощью Советского Союза. Сын Лата окончил Таллинский художественный институт. Дочь Оюун учится сейчас в Московском государственном институте международных отношений и младший сын Болод перешел в 9-й класс улан-баторской средней школы. Думал ли мой отец, забитый, неграмотный арат-скотовод, что его сын и внуки будут так жить! Какая пропасть отделяет его судьбу от нашей!

ЖИЗНЕЛЮБ ЭРДЕМБЕЛИГ

Эрдембелига в Академии наук МНР уважают за огромную энергию, доброту, веселый нрав, чуткость к товарищам и особенно к молодым научным кадрам.

— Он у нас,— говорят друзья Эрдембелига,— прекрасный педагог, воспитатель и, несмотря на возраст, очень живой человек, умеющий находить контакты с молодежью и на работе и во время досуга.

Вспоминая раннюю юность, Эрдембелиг рассказывает, что в Монголии испокон веков существовал такой обычай: в юртах молодые люди, если они сидят в присутствии старших, должны ногу, обращенную в сторону входа, согнуть в колене так, чтобы она опиралась всей ступней на пол,— знак внимания и готовности услужить старшему. Когда Эрдембелиг поселился в ленинградском общежитии, он долго не мог отвыкнуть от этой привычки. Вернувшись же на каникулы домой, Эрдембелиг сидел в юрте не так, как раньше. Старшие журили: «Что за молодежь пошла! Совсем потеряла к нам уважение!»

— Меня,— рассказывает Эрдембелиг,— это очень обидело, глубоко задело. С тех пор стараюсь понять идущие за мной поколения, найти с ними общий язык.

— А какого вы мнения о современной молодежи?

— Естественно, она совсем не та, какой была в наше время. Однако я категорически не согласен с теми, кто утверждает, будто молодые люди наших дней стали гораздо хуже, чем были мы когда-то. Действительно, в годы борьбы за свободу и независимость мы находились на самых передовых рубежах, но люди мы были малообразованные. Как только новая власть утвердилась, она поставила задачу перед молодежью овладеть знаниями. Учитывая бурный научно-технический и культурный прогресс XX века, перед современной молодежью стоит цель — не только не отставать от этого прогресса, но и идти вперед во имя грядущих побед социализма и коммунизма. В этом я вижу не противоречие между поколениями, а их гармонию.

— Не могли бы вы поделиться своими ленинградскими впечатлениями?

— Представьте себе паренька, родившегося в глухой, отсталой Монголии, который очутился не просто в современном городе, а в городе, где свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Этот паренек, не знающий ни единого русского слова, попадает в город русской славы и богатейшей культуры. Трудно, очень трудно было монгольскому пареньку Эрдембелигу. Но он выдерживает это испытание. Почему? Да потому, что он был посланцем своего народа в новую жизнь, потому, что он видел вокруг себя энтузиазм, кипучую деятельность созидания и ощущал постоянную помощь и заботу советских друзей. Его видение становилось все более и более осознанным. Вот почему самые глубокие впечатления произвели на него люди, с которыми он встречался в Ленинграде.

— Журнал «Огонек» писал в 1925 году, что монголы — студенты Ленинградского восточного института — вступали в комсомол. Как все это происходило?

— В институте мы учились вместе с русскими друзьями. Они помогали нам во всем, считая это своим интернациональным и комсомольским долгом. Энтузиазм Ленинского союза молодежи захватил и нас. Мы также прониклись духом коллективизма и интернационализма. Поэтому и не мыслили жизнь в Ленинграде и учебу в институте вне комсомола. У каждого монгола появились русские товарищи. Я, например, дружил с Костей Кудровым и Василием Якимовым. На одном из комсомольских собраний мы решили выпустить тематическую стенгазету «Как мы идем к социализму». Работали увлеченно, отдавая все свободное время. Затем, когда газета была гото-

ва, наша группа сфотографировалась на ее фоне. Вот этот снимок...

— Как выглядел в то время Ленинград?

— В этом городе много достопримечательностей. Но, как я уже говорил, главная — это люди. Идешь, бывало, по улице, а навстречу шествие со знаменами, плакатами, песнями. Кто-то крикнет: «Трудящийся Востока! Иди к нам!» Присоединяюсь к добровольцам по разгрузке товарных вагонов. Обретаю новых друзей, которые готовы с тобой разделить хлеб и соль. Никогда не забуду выступлений Сергея Мироновича Кирова на собраниях комсомольского актива Ленинграда. Пламенный трибун увлекал за собой, вел на борьбу... Читая позднее замечательную книгу Николая Островского «Как закалялась сталь», я вспоминал секретаря нашего районного комитета комсомола. Он был участником гражданской войны, в бою лишился зрения, но это был всевидящий молодежный вожак Ленинграда!

— Приходилось ли вам бывать в Ленинграде после окончания института?

— Только в 1965 году я снова приехал в Ленинград. Вы не можете себе представить, какое волнение охватило меня, когда «Красная стрела» приближалась к Ленинграду. Я выбежал на перрон, забыв захватить вещи. Бродил по городу, побывал в Новой Деревне, заходил в институт. О вещах вспомнил только к вечеру. Вернулся на вокзал. Зашел к дежурному по станции. Мой чемодан стоял рядом с его письменным столом. «Догадались. Это ваш чемоданчик,— улыбаясь, сказал дежурный.— Наверное, учились у нас?..»

Несколько дней я ходил по городу из конца в конец по старым адресам, искал друзей своей юности. С Костей Кудровым виделся в Москве. Надорвал он себе немного сердце, но уверен, что все пройдет, — задумал написать большую книгу о Монголии. Из ленинградской гвардии двадцатых годов почти никого не осталось в живых. Многие лежат на Пискаревском кладбище, погиб в первые дни Отечественной войны и Вася Якимов...

— Товарищ Эрдембелиг, а какую работу вы ведете сейчас в Монгольской академии наук?

— Долгое время я был заведующим отдела международных связей. Но годы дают о себе знать. Недавно перешел на более легкую работу — в отдел научной информации. Стал ближе к молодежи, к которой питаю самые большие чувства, передаю ей свой опыт, но только опыт, потому что знаний у молодых людей сегодня хоть отбавляй. Мы воспитали достойную смену.

Генерал-полковник Равдан.

ИХ РУССКИЕ ДРУЗЬЯ

Как только я вернулся из Монголии, тут же отправил телеграмму Г. И. Михайлову и позвонил по телефону К. П. Кудрову. Через несколько дней встретился с ними. С огромным волнением вспоминали они годы, проведенные в Ленинградском восточном институте, рассказывали о своей жизни, целиком отданной укреплению советско-монгольской дружбы.

Георгий Иванович Михайлов, вспоминая Ленинград, рассказывает:

— Между Равданом и мной установились в Ленинграде очень теплые, дружеские отношения. По вечерам занимались вместе. Я учил монгольский язык, а он — русский. Равдан был любознательный, упорный студент. В конце двадцатых годов мы расстались. Каждый шел своей дорогой. И вот в газетах я прочитал Указ о награждении Равдана орденом Ленина. Отправил письмо, о котором вы уже знаете.

— Не могли бы вы сказать несколько слов о себе?

— Только несколько слов. Всю свою жизнь я отдал изучению Монголии. И вот итог: недавно защитил докторскую диссертацию на тему «Литературное наследие монгольского народа».

Константин Петрович Кудров после окончания ленинградского института был направлен на дипломатическую работу в Монгольскую Народную Республику. Затем занимается журналистикой. Несколько лет тому назад правительство МНР наградило его орденом «Полярная звезда».

— Моя дружба с Эрдембелигом, — говорит К. П. Кудров,— продолжается до сегодняшнего дня. Он всегда отличался какой-то неукротимой комсомольской энергией, жизнелюбием. Как, впрочем, многие монгольские друзья нашей юности, которым суждено было перешагнуть через века.

Улан-Батор — Москва.

Эрдембелиг (слева) во время подписания договора о сотрудничестве между Академиями наук МНР и СССР.

Посол МНР в Советском Союзе тов. Лувсанчултэм (слева) поздравляет К. П. Кудрова после вручения ему монгольского ордена «Полярная звезда».

СТЕПНЫЕ ПРО

Селенга — река дружбы.

●

Официант в Гоби — профессия молодая, как сама Сугар и ее улыбка.

●

— Человек должен быть чист, как молоко,— говорит Герой Труда Аюрзана.

●

Красному партизану Довдону восемьдесят шесть лет, но в памяти свежи воспоминания о боях и походах.

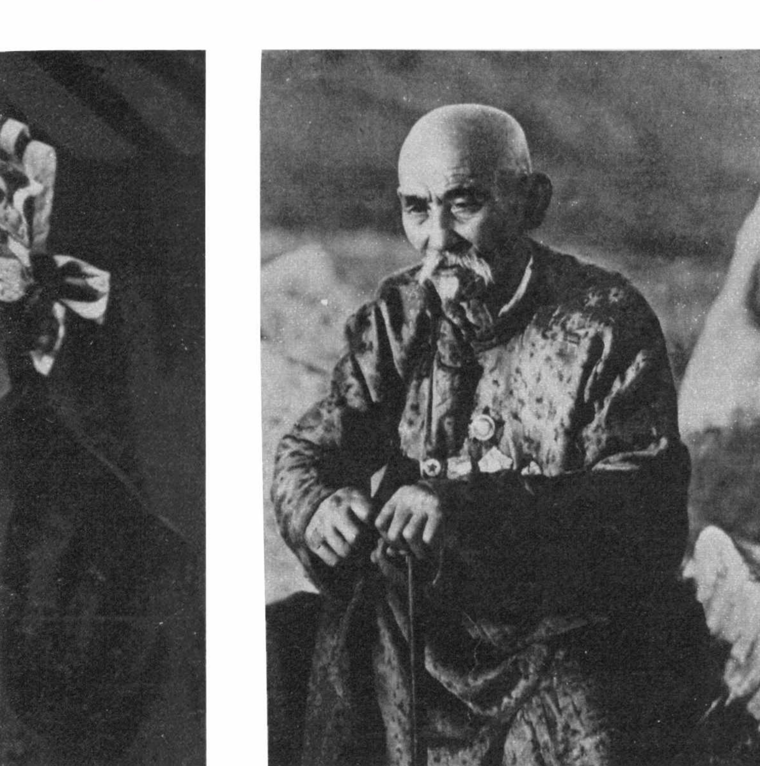
●

Я провожу тебя до детского сада.

СТОРЫ

С. ЮРЬЕВ

Фото Дмитрия УХТОМСКОГО.

Степные просторы... А верно ли назвать так фотоочерк, рассказывающий о Монголии? Монголия — это реки, быстрые и спокойные. Заоблачные вершины и невысокие горные кряжи, где, словно бы в геологическом музее, перед глазами сотни и сотни удивительных земных пород. Это и леса, густо укрывшие окатистые сопки, и почти не дающие тени, высоко вознесенные над барханами рощи саксаулов. Это пески Хонгор, уникальные песчаные горы, это и необыкновенные гобийские зеленые закаты...

И все-таки, рассказывая о стране, снова и снова возвращаешься к ее степному простору, потому что степной простор всегда символизировал в народе свободу, широту души, небывалый ее размах, силу и, конечно, радость.

В Народной Монголии символы эти — сама жизнь.

Солнце первыми лучами только-только коснулось одинокого облачка в беспредельности неба. А уже навстречу ему, солнцу и облачку, рождая гром и высекая копытами искры, промчался табун. И старший табунщик Цамба, улыбнувшись солнцу и простору, начал свой трудовой день. А где-то на просторе все той же степи пробился другой гром, и, обгоняя его, не дожидаясь восхода, а словно бы выхватив солнце из-за горизонта, взмыл в зенит серебряной молнией истребитель летчика Усника.

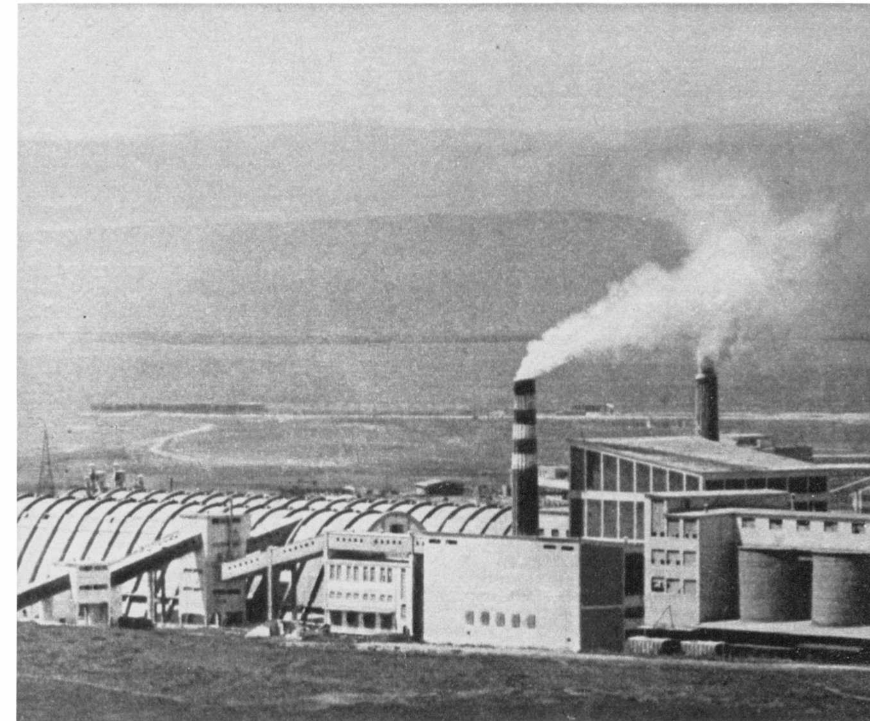
И под крылом самолета мелькнули горы, реки, сопки, юрты, поселки и новые города. И, конечно же, город Дархан, весело поблескивающий тысячами окон многоэтажных домов, белеющий зданиями новых цехов, новых заводов.

— С добрым утром, друзья, с новым трудовым днем, с еще одним днем крепкой дружбы и верной службы!

Начался трудовой день и у скульптора Довчидова.

...Степной простор всегда символизировал в народе свободу, широту души, ее размах, силу и, конечно, радость. Об этой простой житейской радости и стремились рассказать мы в нашем очерке.

Л. ХУУШААН

НАРОДЫ-БРАТЬЯ

Роднее, чем от матери одной,
В содружестве людском бывают братья.
Страна Советов и мой край родной —
Такие братья,
Буду утверждать я!
Я утверждаю,
Нету крепче уз
Товарищества новых поколений:
Нас породнили и свели в союз
Ведь Сухэ-Батор и великий Ленин.

Мы с детства привыкали к стременам,
Но темнота мешала,
Путь нам застя.
Содружество такое в руки нам
Дало уверенно поводья счастья.
Октябрьской революции зерно
Всходило и у нас на поле голом.
И наше братство кровью скреплено
И жертвами в боях под Халхин-Голом.
Не гóла ныне степь — на ней стада,

Под нею шахты, города над нею.
Отсталость — вековечная беда —
Ушла навеки,
Утверждать я смею!
Нам даль видна. Под крепью братских уз
Она ясна, она не станет мглистой.
Порукой в этом — дружеский союз
Советских и монгольских коммунистов.
Роднее, чем от матери одной,
Есть в мире братья! —
Смею утверждать я.
Страна Советов и мой край родной —
Я утверждаю вновь —
Такие братья!

Перевел с монгольского Олег **ЗВЕРЕВ.**

ЯБЛОКО НА ЛАДОНИ

Юрий СБИТНЕВ
Фото Д. УХТОМСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

В Москве мой друг сказал: «Будешь в Монголии, обязательно послушай, как звенят хонхи».

Хонхи — колокольчики, подвешенные под крышами древних храмов. Я слушал их. Даже в самую безветренную погоду перекликаются они друг с другом. Тихий вне времени перезвон. Подал голос один, ему откликнулся другой, другому — третий... И так без конца, медленно, безысходно вкрадываются в душу отрешенные звоны ушедшего времени. Дзинь-дзинь — в полушепот, дзинь-дзинь — вкрадчиво, дзинь-дзинь — покорно, смиренно, бестелесно. Есть в этом перезвоне что-то, что выражено в нашей поговорке: не мытьем, так катаньем. Закатает тебя этот звон, уведет куда-то, откуда и выхода нет, усыпит — так и не заметишь, как, словно бы песок из ладоней, утечет время. Не под этот ли звон, издревле налаженный рукой коварного завоевателя, уходила почти половина мужского населения Монголии в ламы, дав жестокий из всех жестоких обетов — обет прекращения рода. Еще в сороковых годах нашего века, который называем мы стремительным, бурным, невиданным, почти добрая половина цвета нации обречена была на отрешенность, безвременье, пустоцвет...

Пусть хонхи отпевают ушедшее, пусть скорбят о нем потерянно и бестелесно. Другое время вокруг, другие ритмы.

1

Я лежу в юрте, высоко подоткнув под голову подушку. Верхний полог отброшен, и в юрту медленно сочится ночное небо. Расписные дверцы тоже распахнуты, и в дверном проеме — Гоби с далекими земными огнями звезд, где-то у самого края плоской земли неоново отсвечивает город Далан-Дзадагад — южногобийская столица, да шарят по земле фары машин на бесконечных степных дорогах. Луна заглядывает в юрту, и я отчетливо вижу смуглое лицо своего собеседника, молодого монгола.

— Знаете,— говорит он,— вернулся я домой из Москвы (мой собеседник кончает Институт международных отношений, знает мадьярский, немецкий, английский языки, специализируется в испанском), пошел вечером гулять с младшим братишкой, везу его в коляске, а над нами луна, вот такая же, как сейчас, большая, чистая. Говорю ему: «Это луна». А он губы надул: «Би-би» — и пыхтит. Я сначала и не понял, о чем это он. А потом мама объяснила: купили ему игрушку луноход, рассказали, что это и к чему. Понял и теперь, как луну увидит, так пыхтит и бибикает.

Мы молчим и слушаем, как за войлочной стеной юрты слаженно и красиво поют молодые венгры. Они прилетели в Гоби на выходные дни из Улан-Батора, где работают на стройке. Здесь, в районе Думда-Сайхан, уже несколько лет как построена международная туристическая база. А венгры молодо и задорно поют песню, которую слушал я в их Хортобадской степи. Хорошая это песня, на всех языках понятная.

А потом ненадолго возникает тишина.

— Как все-таки точно и вечно сказал Сергей Есенин,— нарушая тишину, продолжил мой собеседник.— «Свет луны, таинственный и длинный...». Нигде нет такого таинственного и длинного лунного света, как у нас в Гоби, правда?

— Правда,— соглашаюсь я. И добавляю: — А еще в России, под Рязанью.

Мы оба смеемся.

2

Что такое Гоби? Пустыня, степь, горное плато? Пожалуй, то, и другое, и третье. И все-таки Гоби — это Гоби. Я воспринимаю Гоби как большую трудовую ладонь земли, поднятую к солнцу. Есть на этой земной ладони все — щедра и сурова она. Всмотрись в рабочую ладонь: глубокие морщины — разломы и русла рек, мозоли — горные хребты и кряжи, гладкие участки — степи и пустыни и тысячи мелких-мелких морщинок — дорог и путей. Гоби—ладонь земли, вознесенная к солнечному свету.

С утра грянула пыльная буря. Солнце, словно луна в нашу февральскую зимнюю ночь, тускло помаячило средь густых, невесть откуда взявшихся облаков и вдруг померкло, растворилось в таких неестественных полдневных сумерках. Ветер, срывая брезентовый верх газика, завыл, запричитал, загудел на разные голоса, погнал навстречу тучи колкого песка.

— Весной полтора месяца дул,— сказал шофер Чайбатор.— Магнитные бури были. Едешь по дороге, а вокруг тебя искры сыплются и воздух, как шелк, трещит.

Чайбатор — невысокий молодой парень, по обыкновению очень молчалив, иногда он позволяет себе петь. Ведет машину и поет. Причем монгольские песни чередуются у него с чисто русскими, народными. Поет ли он их специально для гостя или оттого, что они просто-напросто нравятся ему, выяснить мне не удалось. Но все равно удивительно приятно услышать с детства знакомую мелодию вдали от родины. Вот уже третий час мы ищем в степи юрту чабана Аюрзаны. Как-то так получилось, то ли переводчик сделал ошибку, то ли я чего-то не понял, но Аюрзану до самой встречи считал я мужчиной. И вдруг после всех скитаний по степи, когда машина летит по гладкой, как столешница, земле или ныряет вдруг в песчаные распадки и гряды, когда уже перестаешь удивляться, как это Чайбатор отыскивает верное направление, вдруг небольшая беленькая юрта, словно гриб шампиньон, выросла на нашем пути. А вокруг целое стадо ягнят. Боком, сопротивляясь ветру, ходят они туда-сюда, прячутся от ветра, жмутся друг к другу. И только невозмутимый верблюд величествен и непоколебим в этой песчаной круговерти...

Аюрзана — женщина-чабан — встречает нас белозубой, какой-то удивительно ясной улыбкой. Улыбается и ее дочь Долгорсурен. Свистит, мечется за стенами шоро тавих — песчаная буря, от горизонта до горизонта легла на землю полдневная мгла, а в юрте необычайно светло. Курится парок над кипящим в большом казане молоком, празднично алеют вымпелы, и со стены улыбается Ленин.

Бывают люди, первая встреча с которыми словно бы не начало, а, наоборот, продолжение давней большой дружбы. С ними как-то сразу же, без лишних слов налаживается беседа, и отношения становятся теми отношениями, которые принято называть радушием. Аюрзана именно такой человек. Мы говорим о прошедшей, трудной зиме, о не менее трудной для каждого чабана нынешней весне (я вспоминаю слова Чайбатора о пыльных и магнитных бурях).

— Да, зима была трудной, очень. Весна тоже — холод, бескормица на пастбищах, но окот в отарах прошел хорошо,— чуть улыбаясь, говорит Аюрзана. В ее отарах все поголовье сохранилось, падежа не было. Сохранились и все до единого новорожденные. Она так и сказала о молодняке — «новорожденные», словно бы о детях. И все получалось по рассказам этой женщины так просто, так легко, будто и не было ни забот, ни бессонных ночей, ни бурь, холодов и голых пастбищ.

Я смотрю в лицо Аюрзаны — оно горячее, это лицо, не то чтобы загорелое, а просто пропеченное открытым солнцем Гоби и исхлестанное лихими ветрами. А руки у нее красивые, быстрые, крепкие руки, умеющие делать все, да так, чтобы это все украшало землю. Аюрзана, продолжая разговаривать, каким-то грациозным движением ловко подхватывает ковш, черпает из казана кипящее молоко. Густо и мягко падает в пиалу белая-белая струя. Теплый, вкусный запах заполняет юрту.

— У нас, если хотят сказать хорошее о человеке, говорят: человек чист, как молоко. Это высшая похвала. А уезжает кто-то в дальнюю дорогу, ему вслед плещут из пиалы опять же молоком. Чтобы дорога была доброй, чистой. Возьмите.— Аюрзана протягивает мне пиалу, до краев наполненную молоком. Пальцы у нее длинные, с розовыми крепкими полудужками ногтей. Не верится, что эти вот руки сегодня, в начале лета, собирали по пастбищам былинку к былинке траву — корм на случай лихой зимы.

— Хлопот нынче прибавилось,— говорит хозяйка.— Приезжают каждый день ко мне люди: наказы, просьбы, советы. (Аюрзана — депутат Великого народного хурала.) А мне еще и в дорогу собираться надо. Платье шью, да мало ли чего женщине перед дальней дорогой сделать надо...

Наша хозяйка — делегат XVI съезда Народно-революционной партии и через два дня должна уехать в столицу. Беседа беседой, а дела делами. Аюрзана все время в движении, все время хлопочет по хозяйству. Отправляет дочку в отары, и та, попрощавшись, выходит из юрты.

Свистит, мечется за порогом шоро тавих.

Чем дольше беседую я с Аюрзаной, чем больше смотрю на нее, тем яснее и ярче вспоминается мне другая женщина-чабан, живущая отсюда за тысячи-тысячи километров, в жарких Кызылкумах нашей Средней Азии. Каракалпачка Кинджибеке и Аюрзана — как они похожи, эти две женщины, занятые большим и трудным делом.

Улан-Батор — столица Народной Монголии.

На лекции в государственном университете.

СУХЭ-БАТОР. Работа монгольского скульптора Давацерена.

Звучат пионе

ерские горны.

«Орбита» в работе.

Лауреат Государственной премии, член-корреспондент Монгольской Академии наук Шагдар.

Броня крепка.

Как они похожи друг на друга — две матери, два хозяина земли, два добрых, больших сердца! Две сестры — так мне кажется. Я говорю об этом Аюрзане. Она улыбается.

— Раньше у мужчин были долгие дороги. Они могли много встречаться друг с другом. Теперь и у женщин долгая дорога — может, и встретимся когда-нибудь с Кинджибеке и с вами, может быть, встретимся.

Она была права: мы действительно скоро встретились в Улан-Баторе, когда присвоили ей звание Героя Труда. А встречи новые на долгой дороге, думается мне, еще впереди...

3

Спешит, торопится на север Селенга. Плавно огибает лесистые сопки, ныряет в каменные ущелья и где-то, уже в Сибири, набежав на Саянские отроги, падает к Байкалу. Широкая, красивая река, река двух народов, двух держав. Здесь, в этом районе Северной Монголии, испокон века сходились тропы русских и монгольских людей. Вопреки запретам и кордонам протягивали люди друг другу при встречах руки. Обменивались товарами, торговали, творили празднества, находили общий язык, общие интересы. В глубокую старину уходят тропинки этой дружбы. Помнится, пришлось мне как-то услышать от одного старого сибирского охотника то ли бывальщину, то ли легенду о том, как хаживали наши деды на торг и праздники к монголам. Каждый год на Евдокию, в день, когда, по русским приметам, у крыльца курочка водицы напьется, а по монгольским — когда скот родится, проходили эти встречи.

— А от пуль и чужого глаза были у них и у нас занятные, из дерева сработанные пропуска. Ихнюю половинку с нашей сложишь — одно целое получается,— рассказывал охотник.

Что это за пропуска, я тогда так и не понял. И снова неожиданно вспомнил о них уже в Монголии, когда секретарь аймачного (областного) комитета партии товарищ Жамсрай рассказывал мне об истории Селенгинского аймака.

«Пропуск» этот — струганая дощечка, на которую наносилась по-русски и по-монгольски надпись: «Пусть живут в дружбе две державы». А потом дощечку эту распиливали затейливым распилом. Одна половина оставалась у монголов, другая — у русских. Свято и тайно хранились эти пропуска в народе. Стоит только при встрече сложить эти половинки, как открывались границы, открывались друг другу сердца. По-монгольски пропуска эти назывались «эв мод». Не легенда это, бывальщина. Издревле носит Селенгинский аймак и еще одно название — Алтан-Обо — золотой порог. А пограничный город Алтан Булак — золотой источник. Не от коренного золота, которое ищут и находят сейчас в горах монгольские геологи, пошли эти названия. От человеческих, добрососедских отношений. Как и та монгольская легенда о Сухэ-Баторе и каменной ладони. Недалеко от того места, где собирались революционные партизанские отряды, есть горный кряж, носящий название «Каменная рука». И будто бы там на одном из камней была изображена развернутая с севера на юг ладонь. Это место чтили монголы. Считали, что указует ладонь на всю порабощенную родину и призывает к свободе. Рассказывают, что Сухэ-Батор, пробираясь к своим отрядам, шел через этот кряж и будто бы один из стариков сказал ему: «Мы долго ждали свободы у этого камня. Каменная рука указывает, что свобода придет с севера. Ты пришел с севера, иди на юг и дай свободу всем монголам». Сухэ-Батор, уважая этого человека, сказал: «Руки монголов сами принесут свободу своей родине» — и будто бы положил на каменную руку яблоко. Эту легенду услышал я в одной из юрт и спросил:

— Почему яблоко?

— Яблоко — наша земля. Разве не такой видится она среди звездного океана? — ответили мне.

4

...Яблоко на ладони — чистое, словно бы светящееся изнутри, в каплях поутренней росы. Оно лежит на темной, как сама земля, рабочей ладони. Первое яблоко, выросшее в Монголии. О нем я и хочу рассказать.

Широко катит свои воды приток могучей Селенги — Орхон. Древние его берега обозначены песчаным хребтом, заросшим соснами. Меж нынешним и древним берегом долины Шамар. Все ниже и ниже петляя меж сосен и колючего кустарника, сбегает дорога. Машина поднимает облако пыли, и оно, словно бы ранний туман, еще долго висит над землей. Медленно сорвется с голой вершины сухого дерева ястреб, зависнет, замрет в небе; суслик шмыгнет меж сухих былинок прошлогодних трав; пересечет дорогу высокий пыльный смерч и уляжется зебристым барханом... Сушь. И вдруг разом за поворотом кипень цветения, словно бы неправдашняя зелень и заневестившиеся яблони под окнами белого дома.

Шагдар — сын скотовода. Родился он на востоке Монголии в 1915 году. С рождения была уготована ему судьба ламы. «Тебе надо молиться, только молиться,— говорили мальчику.— Кто не молится, попадает под стрелы». Его учили для того, чтобы он молился. А мальчишка собирал травы на пастбищах, удивлялся тому, что весной цветут даже самые неприметные былинки, что оставляют они семена, из которых в следующую весну поднимаются всходы, что где-то далеко-далеко есть высокие травы, которые называют деревьями. А где-то среди песков Гоби живет удивительное растение гоёо, которое растет только зимой, а летом спит. Никто и никогда не скажет, кто первым приручил и стал пасти овец, кто первым вспахал землю и бросил туда хлебное зернышко, кто сметал первый стог и сложил из камней первую кошару. Никто не скажет об этом. Но ведь они были — и первый скотовод и пахарь... А мальчику из далекого восточномонгольского хорона было суждено стать первым садоводом на своей родине. Но прежде был он писарем, работником комитета революционного союза молодежи, учителем, студентом, преподавателем партийно-государственной школы и, наконец, заслуженным учителем. Была квартира в столице, был хороший оклад, семья — жена и четверо детей. И вдруг в 1952 году Шагдар написал заявление в ЦК партии. В нем он говорил, что всю свою жизнь, учась и работая, занимался биологией, что за многие годы пришел к выводу, что в Монголии могут расти и плодоносить сады.

Сад в Монголии. Это сказка, такого еще не бывало. Но ученому, а он был действительно ученым, поверили. Ведь каждый день в республике совершалось такое, чего никогда не было, что считалось сказкой. Вырастали новые города, строились заводы, глубоко в землю уходили шахты. Монголы поднимали и вели в небе самолеты. Почему же под этим небом не может развести он сад? На заявление Шагдара ответили положительно. Его принял товарищ Цеденбал. Наметили место под будущий опытный участок, выделили средства, а пока решили, что Шагдар должен поехать на учебу в Мичуринск. И только в 1955 году со всей семьей приехал он в долину Шамар.

Мы уже привыкли к фразе, которая сопутствует каждому большому начинанию, будь это строительство Комсомольска-на-Амуре или Магнитки, Братской или Красноярской ГЭС: там ничего не было. Ничего не было и в долине Шамар. Пришла одна машина с одной юртой. Пришла горсточка людей-энтузиастов, которые верили, что саду цвесть. И уже в 1957 году расцвела первая яблонька. Первое соцветие из тринадцати белых-белых, как молоко, цветков. Шагдар не поверил своим глазам: он стоял перед крохотным деревцем и, кажется, впервые за всю жизнь плакал открыто, не пряча своих слез. Сбежались в то утро к первому зацветшему в Монголии садовому дереву все до единого работника селекционной станции, пришли и местные жители.

— Помогали тогда работать все — от восьмилетнего ребенка до восьмидесятилетнего старика. А работы, конечно, было много. Неизвестной работы.— Шагдар улыбается, и я вижу в добрых его глазах слезы радости. У него удивительные глаза, у этого худого, чуть сутуловатого человека, глаза, творящие жизнь.

— Шесть цветков опало,— говорит ученый так, словно об умершем близком человеке.— Осталось семь. А летом вдруг навалился град, прикрыть не успели.— Он делает движение, словно хочет что-то крохотное, живое прикрыть грудью. Вздыхает.— И еще погибло четыре, осталось три. Их берегли пуще глаза. К августу яблоки стали крупнее куриного яйца. Решили, что будем ждать сентября. Даже срок сбора наметили — пятнадцатое сентября. Но...— Шагдар делает большую паузу.

В общем, два яблока кто-то сорвал. Кто — до сих пор неизвестно. Да и сам Шагдар не склонен заниматься сейчас следствием, да и тогда он только и сказал собравшимся людям:

— Ну что ж, рвите последнее.

Но последнее не сорвали. Дежурили сутками у дерева.

— Я был уверен, что теперь-то уж никто не тронет яблока. Но так решили люди и дежурили вплоть до пятнадцатого сентября круглосуточно. Убрать яблоко доверили лучшему нашему работнику — Дорджедерему. Яблоко весило 220 граммов.

И вот оно лежит на смуглой рабочей ладони — чистое, словно бы светящееся изнутри, в каплях поутренней росы. Я, кажется, вижу это яблоко. А сколько впереди и позади трудов, поисков, дерзаний, решений, тревог, огорчений!.. И сколько впереди радостей, открытий, свершений, сколько нового и большого...

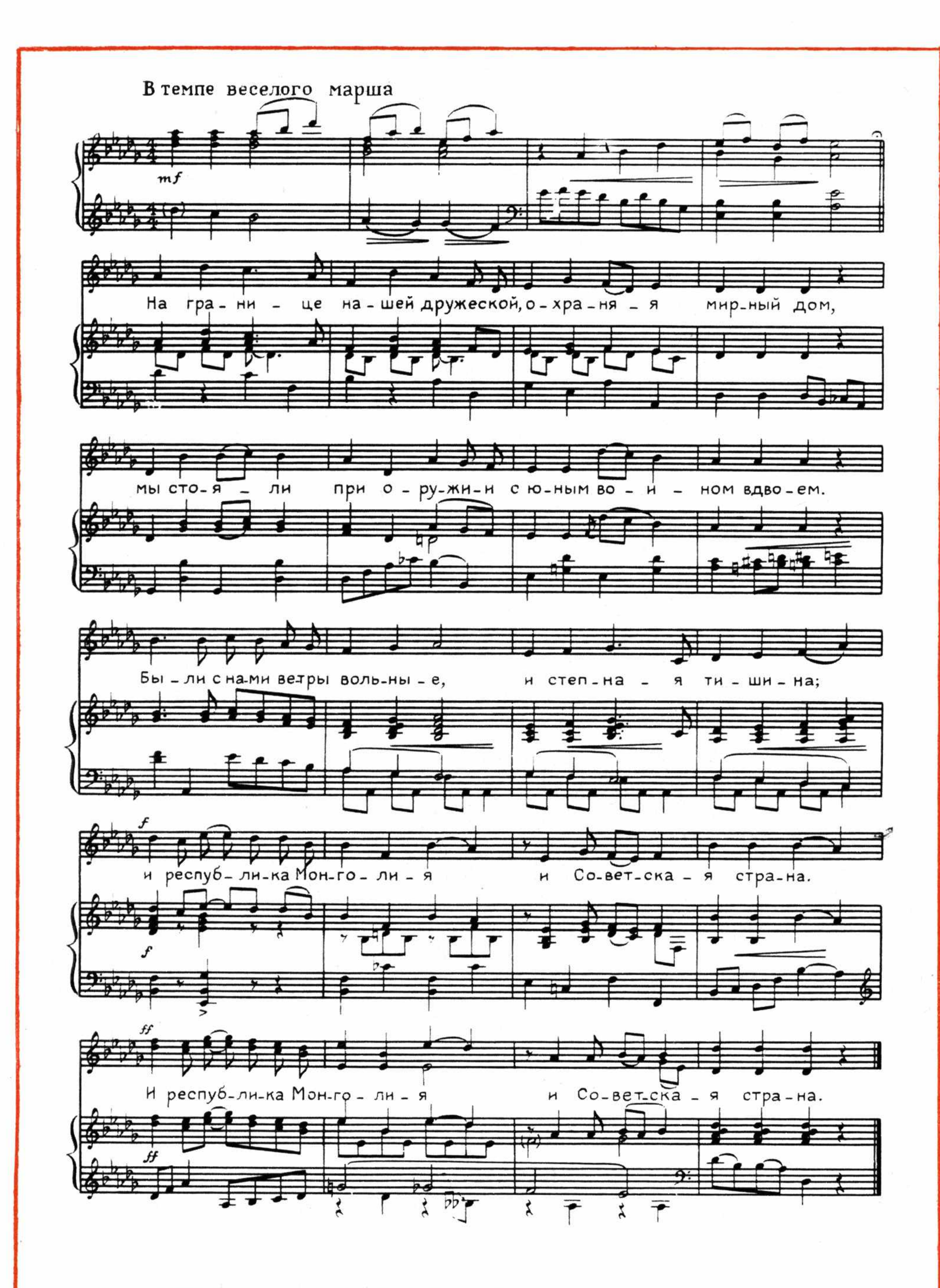
Первая шахта, первый завод, первый город, первое научное открытие. Медицинская операция. Страстное выступление на международном конгрессе. Сверхзвуковой самолет, уходящий в просторы свободного неба родины. Новый человек, гордо шагающий в ногу с миллионами и миллионами людей доброй воли. Малыш, поднявший розовый пальчик к луне. Верное сердце матери. Все, все видится мне в этом яблоке, лежащем на смуглой трудовой ладони монгола.

Д. ПУРЭВДОРЖ

Я — МОНГОЛ

Там, где,
как воду,
пьет солончак
льющийся голос,
дальнее пенье;
там, где,
как лебедь,
в жарких лучах
юрта омыла белые перья;
там, где кургана круглый живот
трогает ветер
с легкостью птичьей,
в гордом и мудром народе
живет
древний обычай.
Юрты мои
белы, как снег.
Я им хозяин —
простой человек!
Но в первозданной глуби степей
слышится голос новой заботы.
В дали бескрайней встали теперь
шахты отвалы,
трубы завода.
Там, где топтали землю стада,
дивно пестреет ширь урожая.
Судьбы народа,
волей труда
вас я решаю.
Все это наше,
степь и руда.
Я здесь хозяин,
и навсегда!
Я и рабочий,
я и пастух,
я научился строить и сеять.
Я и премудрость знанья постиг:
труд и наука —
братья, соседи.
Пусть же вольется в общий поток
наша работа
сильно и чисто,
чтоб еще ярче стала потом
наша отчизна.
В счастье и в горе я
родиной горд.
Дом мой — Монголия,
имя — монгол!

Перевел с монгольского Александр НАУМОВ.

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

Михаил ХОНИНОВ

ПЕСНЯ О СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ДРУЖБЕ

На границе нашей дружеской,
Охраняя мирный дом,
Мы стояли при оружии
С юным воином вдвоем.

Были с нами ветры вольные,
И степная тишина,
И республика Монголия,
И Советская страна.

И как будто солнцем соткана,
Появилась, как во сне,
С песней девушка высокая
На монгольской стороне.

Пела девушка веселая
Про ковыль да про весну,
Про республику Монголию
И Советскую страну.

С той поры со мною близкие
И чудесные края,
И весна моя калмыцкая,
И московская моя.

И повсюду ветры вольные
Шепчут песню мне одну —
Про республику Монголию
И Советскую страну.

Перевел с калмыцкого Марк **МАКСИМОВ.**

БЕЛЫЙ С КРАСНЫМ ФЛАГОМ

Л. ТУДЭВ

РАССКАЗ

Рисунок **Л. ХАЙЛОВА.**

Прошло более месяца, как отряд был окружен. Кончились продукты. Охотились на ворон и ели твердое, словно подошва, мясо. Каждому по крохотному жесткому кусочку — дневной паек. За войлочными пологами землянок гулял ветер, переметая двор монастыря Сарул гуна колкими белыми свеями. В горах уже выпал снег, и трава на склонах давным-давно потухла и побурела... Их взяли в кольцо враги, окружила зима, закольцевал голод...

— Этого мы и ждали,— сказал генерал Бакич, разглядывая в бинокль позиции красных. — Три кольца, три окружения. Они обречены. Безбожники гибнут в монастыре. Неплохо сказано? — Генерал улыбнулся.— Они жрут ворон...

Бакич поежился, потирая руки, холод пробирал и его. Кто-то из офицеров спросил:

— Пойдем на штурм?

— Штурмовать? Зачем? Мы держим их за горло. Остальное сделают зима и голод. Пошлите им ультиматум, пусть сдаются, пока еще могут двигаться. С ультиматума снимите копию. Исторические документы всегда должны выполняться в двух экземплярах.

И пока в штабной землянке медленно, словно бы вколачивая гвозди, стучала пишущая машинка, генерал думал: «Есть ли среди моих солдат смельчак, который вызовется добровольно вручить ультиматум? А если нет? Придется приказать. Но в этом опасность. И белые и красные говорят на одном языке. Парламентер может рассказать им, что у нас нет зимнего обмундирования и холод так же страшен нам, как и им. Эти фанатики решат, что зима — их союзник, и будут держаться до последнего. Надо послать монгола. Глупого монгола, который ни черта не понимает, что происходит. Пусть он вручит ультиматум и вернется, а если его убьют, то потеря небольшая».

— Приведите ко мне трех монголов потупее — из тех, что мы мобилизовали! — приказал генерал.

Из трех бедно одетых, покорных и молчаливых людей Бакич выбрал самого старого и, как показалось генералу, самого глупого.

— Снеси этот пакет в монастырь Сарул гуна. И принеси ответ,— сказал генерал.

Переводчик перевел.

— Хорошо,— ответил старик.— А меня не убьют?

— Дайте ему белый флаг и объясните, что с этим флагом ни пуля, ни шашка не страшны.

Старик с почтением взял в руки замыз-

ганную, старую тряпицу, погладил шершавое дерево, причмокнул губами.

— Зачем генерал отдает ему такую дорогую вещь? Куда бы лучше самому генералу всегда держать в своих руках: ни пуля, ни шашка не тронут генерала,— сказал старик, кланяясь Бакичу.

Тот рассмеялся.

— Совсем глупый старый монгол. Это то, что нам надо. У меня наметанный глаз на парламентеров. Дурак, замечательный дурак. Этого переводить не надо. Иди, старик, да выше поднимай над головой этот талисман.

Старый монгол снова поклонился, принимая из рук генерала пакет, и что-то быстро-быстро заговорил.

— Что он лопочет?

— Он просит разрешения ехать в монастырь на своем коне. Он стар, и ноги его слабы.

— Пусть едет верхом хоть на черте.

В землянке командира отряда Карла Карловича Байкалова шло совещание.

— Больше месяца мы отрезаны от всего мира, — говорил Байкалов. — Мы не знаем, что происходит вокруг.

— Пожалуй, стоит сегодня пробить кольцо окружения, — предложил командир взвода монгол Дамба.

Его поддержали:

— Или вырвемся, или погибнем все в бою.

— Ждать больше не имеет смысла.

— Ну что ж, товарищи, вы правы, дадим последний решительный бой: свобода или смерть. Есть другие мнения?

Других мнений не было. Все встали.

— Товарищ командир.— В землянку, низко пригнувшись, вбежал красноармеец.— Товарищ командир, белый делегат.

Все торопливо вышли из землянки. К позициям приближался всадник с белым флагом. По тому, как прямо и легко сидел он в седле, Байкалов определил: парламентер — монгол.

— Смотрите, монгола послали,— сказал Дамба.

— Что он нам скажет?

— Монгол, хорошо, что монгол.

— Пропустить его, — распорядился Карл Карлович.

Спешившись у землянки, старик протянул Байкалову пакет. Пока командир читал ультиматум, старик стоял перед ним, улыбаясь, держа на вытянутой руке белый флаг.

— Подождите,— сказал ему Карл Карлович тоже с улыбкой. — Мы сейчас дадим ответ. А пока вас отведут на кухню пообедать.

Старик пошел вслед за красноармейцем, думая про себя: «Мясо вороны не по моим зубам. Чем же угостят меня красные?» Байкалов смотрел ему вслед и тоже думал: «Что в голове у старого монгола? Надо поговорить с ним».

— Отец,— окликнул он старика.— Подождите, отец...

Старик без перевода понял, что командир обращается к нему. Он обернулся и, все так же держа на вытянутой руке белый флаг, подошел к Байкалову. Карл Карлович пригласил его сесть на расстеленную подле землянки кошму. Сел сам, по-монгольски подогнув ноги.

— Расскажи нам дальние и ближние новости. — Дамба перевел слова командира.

— Наш господин Бакич собирается отослать женщин в Улан-гом, — сказал старик.

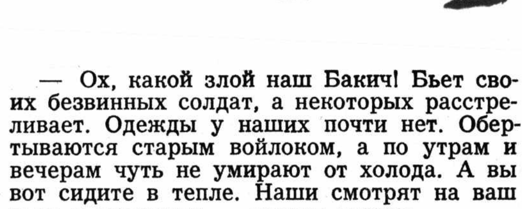
«Значит, они собираются проникнуть в Россию через Урянхай»,— подумал Байкалов.

— Говорят, что в Хушо мод прибыло много красных,— сказал старик.

«Значит, скоро нам придет подмога, а в случае чего можно послать гонца за помощью в Кош-агач»,— подумал Байкалов.

— Около Улясутая много красных монголов и русских; говорят, что они идут сюда, — продолжал старик.

«Тогда, значит, Унгерна выгнали из Урги или наши захватили Улясутай»,— подумал Байкалов.

— Ох, какой злой наш Бакич! Бьет своих безвинных солдат, а некоторых расстреливает. Одежды у наших почти нет. Обертываются старым войлоком, а по утрам и вечерам чуть не умирают от холода. А вы вот сидите в тепле. Наши смотрят на ваш дым и завидуют,— сказал старик.

Он рассказал многое, и многое передумал за этой неторопливой беседой Байкалов.

Ответ на ультиматум был готов: «Интернациональный красный отряд никогда не примет капитуляции». Подписали его Байкалов и Дамба.

— И скажи еще там всем, кто тебя спросит,— сказал Дамба,— что монголы, русские, буряты тут для того, чтобы была свобода. Свободе не страшна смерть.

— Я все понимаю,— сказал старик,— но вы голодаете.

— Откуда ты это взял?

— Вы едите мясо ворон, жесткое, как корни древнего саксаула.

— Мы едим мясо ворон как лекарство.

— Не надо обманывать меня, брат. Мясо вороны никогда не станет лекарством. Возьмите моего коня. Он молод, и мясо его действительно будет для вас лекарством. Его сила даст вам силы.

— Что он говорит? — спросил Байкалов.

— Он сказал, что мы голодны, и поэтому отдает нам своего коня,— ответил Дамба.

А старик снова заговорил, неторопливо подбирая слова.

— Он говорит, что дарит своего коня и ему не нужно платить. Там он скажет, что коня отняли красные. Он специально приехал на нем, чтобы отдать нам. Он все понимает.

— Спасибо, отец.

Старик спрятал пакет за пазуху, взял белый флаг, который положил рядом с собой, когда присел на кошму, и спросил:

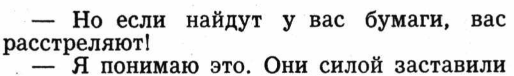
— Вам еще что-нибудь надо?

— Старик, мы хотели бы послать бумаги. Вы сможете тайно распространить их среди солдат Бакича?

— Смогу.

— А как?

— Приду и вручу генералу ваш пакет. И он выгонит меня. Я приду к солдатам и ночью оставлю у них бумаги, а сам уйду.

— Но если найдут у вас бумаги, вас расстреляют!

— Я понимаю это. Они силой заставили нас служить себе. Вначале я не знал, кто красные, кто белые. Теперь знаю.

— В бумагах написано, чтобы солдаты Бакича переходили на нашу сторону.

— Я понесу их, и пусть те, которые поумнее, переходят к красным.

Старик, высоко держа в руке белый флаг, вышел из монастыря Сарул гуна. За ним смотрели глаза окруженных русских и монголов. Он шел такой же прямой и легкий, как в седле, и флаг в его руках казался тем, кто следил за ним из монастыря Сарул гуна, красным флагом.

Перевод с монгольского.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

ВОЛШЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ — КЛАССИКА

Рассказывает директор Московского академического хореографического училища С. ГОЛОВКИНА, народная артистка РСФСР

В Улан-Баторе давно работает театр Оперы и Балета, на его сцене, кроме национальных спектаклей, идет и балетная классика. Для постановки новых, сложных в танцевальном отношении балетов нужны хорошо профессионально подготовленные артисты. Поэтому на стажировку в СССР из Монголии постоянно приезжают молодые монгольские танцовщики.

Четыре года назад мы приняли в Московское хореографическое училище монгольских детей. Все ребята прекрасно знали свои национальные танцы: они мечтали танцевать на сцене, и теперь восемь счастливцев с восторгом ждали отъезда в Москву. Но... они не умели говорить по-русски, не знали наших обычаев и, попав в новую обстановку, на первых порах совсем растерялись: держались особняком, дичились товарищей... Заведующая интернатом А. И. Дыховичная и воспитатель А. Н. Радышевцева окружили их вниманием, заботой, материнским теплом. Помогло детям и то, что в нашем училище перед ними встало много задач... Уроки классического танца, исторического танца, гимнастики, фортепиано, общеобразовательных дисциплин — эти занятия, проходившие совместно с нашими ребятами, очень быстро растопили ледок между нашими новыми питомцами и остальными учениками. Увлечение классикой пришло к маленьким монголам точно так же, как оно приходит к каждому нашему ученику,— сразу и навсегда. И уж потом этому увлечению бывает подчинено все остальное.

Чтобы получить четверку по классике — а это высшая оценка у малышей,— недостаточно усердия у балетного станка: требованиям волшебного предмета подчиняются и характеры, и привычки, и даже самый непоседливый, неуравновешенный нрав... Вот поэтому-то наши маленькие монгольские друзья очень скоро привыкли к укладу интернатской жизни, усвоили правила режима и дисциплины, неожиданно быстро преодолев самый трудный, языковый барьер. Первые занятия по классическому танцу О. А. Ильина вела с переводчиком.

Здесь, конечно, много потрудились — вместе с Л. И. Харламовой, педагогом русского языка и литературы,— старшеклассники, с удовольствием взявшие шефство над монгольской группой. Все время ведутся занятия и монгольским языком, и историей МНР.

Сейчас наши старшие воспитанники закончили четвертый класс, а это уже половина учебного срока. Они давно уже чувствуют себя москвичами, поэтому к младшим своим товарищам, только что приехавшим из Монголии, относятся прямо-таки по-отечески. И надо сказать, что нынешним нашим новичкам это помогло еще скорее, еще легче войти в жизнь школы.

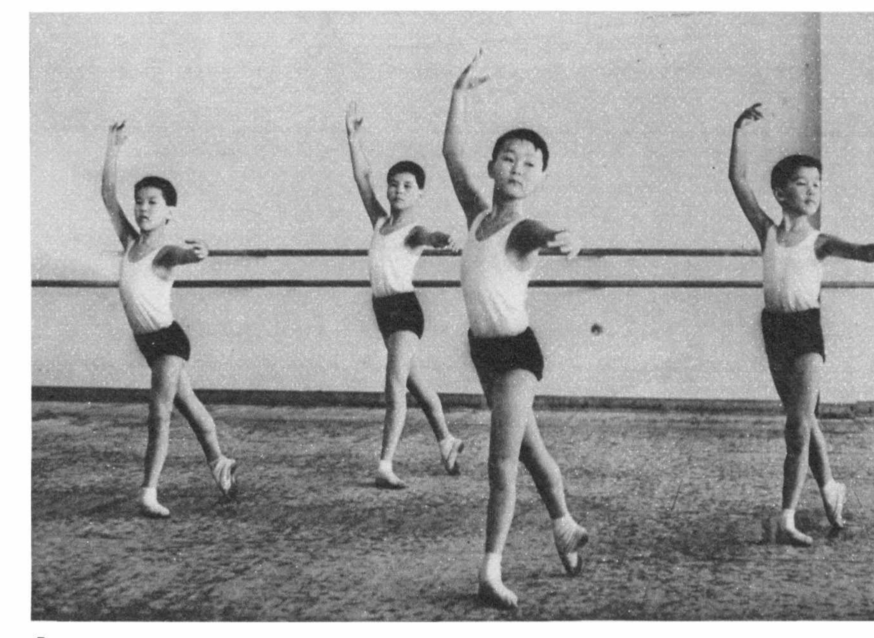
В свободное время монгольские ребята, хоть им приходится очень много заниматься, ведут жизнь интересную, разнообразную. Они знакомятся со столицей, бывают на спектаклях Большого и Центрального детского театров, на концертах...

Сейчас на столе у Л. И. Харламовой под стеклом лежат написанные по-русски неуверенным, еще детским почерком восемь монгольских адресов. Это наши первоклашки, уехавшие домой на каникулы, просили свою учительницу обязательно написать им в Улан-Батор, чтобы они знали: в Москве их не забывают! Сами же они обещали отвечать по-русски!

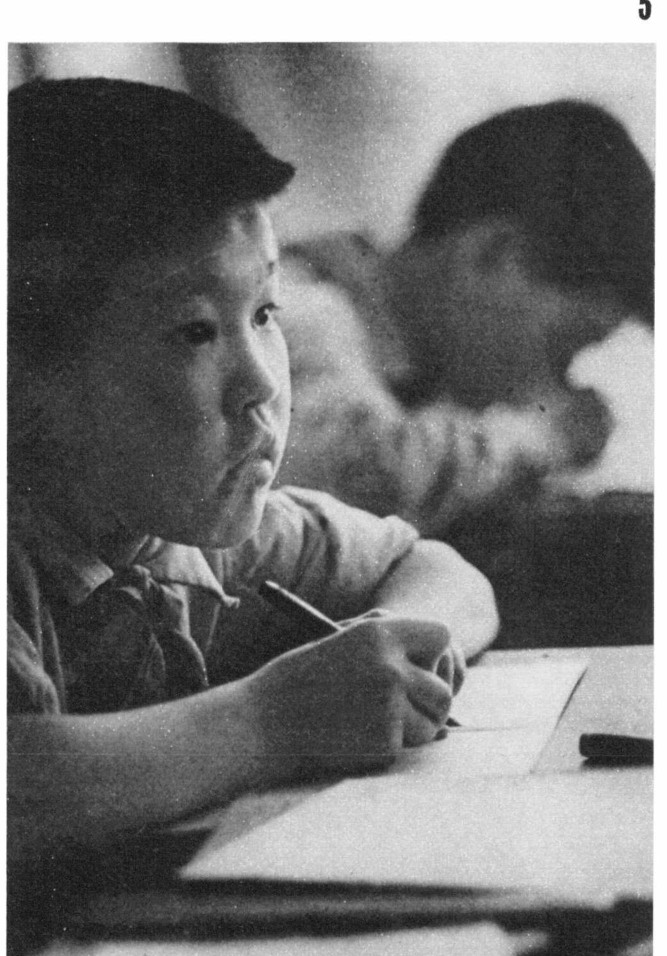
2

3

4

5

6

1 **Фотографии Леонида Жданова для ребят из Монголии — тоже урок прекрасного.**

2 **В перемену разговор не уместился...**

3 **Первый экзамен.**

4 **Возвращение с прогулки.**

5 **Каждый урок — новое открытие для Батутика.**

6 **Музыкой Энхцэцэг занимается с не меньшим удовольствием, чем хореографией.**

Борис ИВАНОВ

ИМЕННО

I. СТИХОТВОРЕНИЯ

С белого книжного листа смотрит задумчиво человек. Высокий лоб прорезала глубокая морщина. Пальцы прижаты к уголку доброго рта. Кажется, они сдерживают слова, которые вот-вот готовы вырваться, и в комнате тогда раздастся голос:

Имел бы я
Всевещий ум пророка,
Я б заглянул
В грядущие года:
Куда меня,
Взметенная высоко,
Пригонит жизни
Быстрая волна?

И, уже не абстрагируясь, я слышу этот голос, слышу его реально, наяву он звучит, свободно выливаясь из широкой груди, то взмывая упругим крылом, то падая звонким каскадом:

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью
младенца:
— Я за искусство левое. А ты?
— За левое...
Но не левее сердца.

А рука поднята над большой красивой головой, обрамлённой русой шевелюрой. Потом рука опускается, и просто, по-домашнему автор только что прочитанного стихотворения говорит:

— Вот... Ну как?

И внимательно всматривается, чуть прищурясь, в глаза своих слушателей, ища честного ответа. Увидя в них одобрение (истинного поэта не обманешь), продолжает:

— Еще тут написал одно сочиненьице. Да...

Так и сказал — «сочиненьице». В эту уничижительную форму поэт не вкладывал пренебрежения к своему труду, никоим образом, нет: за ней он как бы прятал свою природную скромность и робость, свойственные подлинному художнику, впервые открывающему на всеобщее обозрение (и всегда, как впервые) трепетную душу.

— Скорее не одно, а лишь его маленькую часть... Поэму пишу. Что получится,— поэт чуть склонил голову и пожал плечами,— бог весть. «Седьмое небо» будет называться... Наверное. Читать?

— Что за вопрос. Конечно!

— Тогда...

Взметнулась рука и...

Летел
Через года тридцатые
Стремительный моторный век.
И захотела стать крылатою
Страна саней,
Страна телег...

Поэт иногда пропускает строки, но неожиданно образовавшаяся пауза заполняется междометиями в ритм стиха, длинные, тонкие пальцы нервно шевелятся, словно ищут вдруг убежавшее слово. Какое-то мгновение, восклицание «Да!», и снова просторная комната заполняется рифмами легкими, строфами стройными. Минуты стремительно бегут, и не слышишь за открытым окном позднего шума улицы Горького, не чувствуешь груза прожитого дня...

С тех пор, когда я впервые очно познакомился с Василием Федоровым, до двухтомника, недавно вышедшего в Гослитиздате, который лежит раскрытый на моем столе, минуло целое десятилетие. Портрет автора на титульном листе и всколыхнул живо в памяти тот далекий августовский вечер. Потом были еще встречи, не частые, но всегда оставлявшие в сердце радостные заметы от общения с человеком мягким, полным искренности и уважения к собеседнику. Никогда не ощущалось даже малейшего признака натянутости, превосходства, отчужденности — той невидимой и необъяснимой перегородки, которая сплошь и рядом возникает между людьми малознакомыми, с характерами несхожими. Контакт устанавливался сразу, без вводных слов и фальшивого этикета, отчего становилось легко, доверчиво и светло.

Не потому ли и все творчество Вас. Федорова так притягательно и волнующе. «Книга — это исповедь автора, это — человек,— сказал однажды М. И. Калинин.— По книге можно судить о ее создателе». Следовательно, читая эту мысль Калинина в обратном направлении, не будет ошибкой заключить, что по создателю можно судить о его книге. Стихи Вас. Федорова — весь он сам. Они с первых строф становятся близкими и необходимыми. А уж если ты вдруг и почувствуешь некую неловкость, то ее причины скорее надо искать в себе самом, нежели вовне, ибо, значит, автор точно подметил нелучшую часть твоего собственного опыта.

В двухтомнике, который я только что прочитал, собрано главное, что написал Вас. Федоров за тридцать пять лет своей творческой деятельности. Многое мне было хорошо известно из книг, выходивших ранее: «Марьевские звезды», «Дикий мед», «Не левее сердца», «Книга любви», «Третьи петухи». Кстати, главы первого тома, куда вошли только стихи, и носят названия этих книг. И все же, когда читаешь понравившиеся тебе книги, как говорится, по второму, третьему разу, всегда открываешь в них новые грани, ритмы, образы, ускользавшие досель. А это как раз присуще тем произведениям, которые, вроде бы являясь сегодняшними, несут в себе заряд наших завтрашних деяний. И в наступивший этот день мы замечаем в них всю остроту предвидения автора.

В 1960 году на глаза попалось стихотворение «Хозяйка».

...Что жизнь в деревне
Стала плоше,
Что хлеб попрел,
Раздельно скошен,
Что в роковом ряду имен
Их председатель
Вновь сменен...
. . . .
Кольнула областное око,
Бросала и повыше взгляд —
На тех, кто учит издалека
Доить коров,
Поить телят.

Тогда эта душевная боль поэта, сказавшего, как мы теперь видим, истинную правду, прозвучала для некоторых «странной». А он «мучился виной», потому что «мальчишкою в году тридцатом... агитатором ходил». С ним «был товарищ Ленин, и люди слушали его». Увиденное в родной деревне по прошествии лет он соизмерил с ленинскими заветами и почувствовал, что кое в чем они явно не стыковались с действительностью. И как коммунист, не имеющий права финтить, он сказал без обиняков, сознавая свой долг:

...Я шел, виновный до конца,
Не в роли
Юного пророка,
А в долге
Зрелого бойца.

Что ж, минули годы. Заряд, заложенный в шестидесятом, оказался не пыжом. Жизнь разметала дилетантов, тех, кто любил учить издалека.

Поэтому позднее Вас. Федоров, как бы с облегчением вздохнув, напишет:

Мы стали
И моложе
И новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога
Стала только круче,
Моя задача —
Только тяжелей.
. . . .
Дробится камень
Под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоем
Давно минувшем,
Дай и в грядущем
Мне побыть
С тобой.

«С тобой, Россия».

Поэт всегда ответствен, как бы говорит автор. Он не снимает с себя этой нелегкой ноши и на будущее. Страна на новом подъеме. А это, как у альпинистов: чем ближе вершина, тем отвеснее склон. Значит, и дорога сложней. Но ведь и оснастка не та, она богаче, надежнее, вернее. Мы говорим о смысле народности. Она вот и в этой идущей от сердца бескомпромиссной заинтересованности в судьбе Родины, в счастье народа, сопричастности ко всем его делам, большим и малым. «Современный художник,— говорит Вас. Федоров,— должен четко определить свои убеждения, проникнуться ответственностью перед сложностью времени и мира, где нет «ничейной полосы».

Нейтралы в наш век, может быть, еще уместны в международной политике, но никак не в идеологии. Здесь нет и не может быть «хаты с краю». Нельзя писать нивелированно, около жизни, не суя носа в этот кипяток, в жизнь. У лиры Вас. Федорова до всего есть свой интерес. И все ее струны настроены на самый высокий лад — они звучат в унисон с жизнью трудового народа.

Высокой дружбой
Похвалюсь.
Мои друзья —
Поэты, зодчие,
Но все сильнее
К вам тянусь,
Мои товарищи
Рабочие.

Хвалюсь,—
Добра моя строка!
Но мысль одна
Бросает в холод:
Не разучилась бы рука
Держать при этом
Серп и молот.

В биографии Вас. Федорова как бы сплелись воедино Серп и Молот — эти два социальных начала нашей Отчизны, Страны Советов. Жизнь он встретил в городе Кемерове. Родился в семье рабочего-каменщика. Детство и отрочество провел в сибирской деревне Марьевке, где пас скот, пахал землю, «агитатором ходил». Юность снова его вернула в город. В Иркутске он стал заводским рабочим. «Не поступлюсь истиной, если скажу,— пишет он в своей биографии,— что как поэт я родился из чувства социальной новизны».

Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,
Мой отец совсем еще
подростком
Строить стал сибирскую
дорогу.

Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты
отцовы,
Презирая водные быстрины.

Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,
Потому что получил
в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

«Корни».

Это стихотворение посчитать можно и за исповедь. Но, точнее, оно программа, которой неукоснительно следует поэт. Я написал слово «неукоснительно» и подумал: а не поймет ли меня превратно читатель, сказав про себя: «Ну вот, нашел определение... Писать стихи — это не дом строить, когда нельзя отступить от проекта ни на миллиметр, иначе все рухнет. Сердце, настроение, разум, опыт, наконец, совесть — вот составные части творчества. Их сплав и рождает оригинальное произведение искусства. А в каких пропорциях они соединяются — никому не ведомо. Их не запрограммируешь. Не нанесешь на кальку. «Неукоснительно»! Надо же...»

Согласен, все так и правда. И все же именно «неукоснительно». Вас. Федоров обязательно, безусловно следует наследственной страсти воспевать товарищей рабочих и крестьян, кто сам вот этими руками золотыми кует нам счастия ключи, ибо литейщики и кузнецы дали ему наказ:

— Пиши,— сказали,—
Коли пишется,
Коль жизнь способности дала,
Но так, чтоб трудовая книжица
Всем книгам
Матерью была!

И неважно, где заполняются ее графы — в заводском ли отделе

ТАКОЙ

РАЗДУМЬЯ О ПОЭТЕ

кадров, на правлении ли колхоза, на форуме ли деятелей искусства,— главное, чтоб «трудовая книжица» всегда свидетельствовала о твоей кровной связи с Родиной, ее идеалами, чтоб ни при каких крутых поворотах она не исчезала из твоего поля зрения, чтоб не забывал, какого ты рода и племени, кому обязан служить без утайки, до конца. Это стихотворение словно наказ, эстафета: от старших — отца корня — через самого автора к молодым. Так мог сказать художник, авторитет которого высок и стоек.

Конечно, не легки судьбы героев Вас. Федорова, не гладок их путь к совершенству. Поэт вместе с ними и борется, и радуется, и страждет, старается не сбиться с шага своего современника, а идти с ним плечом к плечу, локоть к локтю. Но утро не всегда встречало солнцем, горизонт, бывало, затягивала и хмарь. В буче стройки нового общества порой мельтешили перед глазами и временщики, согласные ради удовлетворения своих эгоистических, сиюминутных целей на малую толику любви. Лови момент. Без шума. И тогда на бумагу ложились строки тревожные:

Спокойным и тихим
Я просто опасен.
Опасен я тем,
Что мечтой увлекаю,
Что страстью своей
На любовь обрекаю,
Что делом и словом
Творю поневоле
В любви не согласных
На малую долю.

Куда я — такой?
Кому я — такой?

Но эта набежавшая тучка разочарования (а может быть, просто раздумья перед еще одним шагом вперед: все надо вымерить и выверить) быстро рассеивается, так как поэт точно знает, кому он нужен: людям цельным, в любви на долю малую не согласным, людям стойким и дерзновенным — рабочим людям, к которым принадлежит и он сам. А «рабочей быть дано душе не каждой». И с полным правом, уверенно и горделиво он заявит:

Я благодарен
Даже в час беды,
Что наделен
Неистребимой жаждой
Докапываться
До живой воды.

Добавлю от себя в прозе: наделен способностью не только докапываться, но и щедро напоить этой живой водой, вселяющей бодрость и оптимизм, даже «спокойных и тихих», с волшебством сказочника открывать перед читателем Красоту и богатство души человека труда. Такой вот Красоте с большой буквы и отдает Вас. Федоров свое поэтическое сердце.

II. ПОЭМЫ

В русском языке слово «красота» вмещает в себя очень много понятий и оттенков: красивая мечта; красный угол в деревенском доме — лучший, передний, светлый; Красная площадь — большая, величественная. Оно может звучать эпически, многоголосо и приглушенно, однозначно. И не удивительно поэтому, что слово «красота» — часто встречаемое в отечественной поэзии слово. Не обошло оно стороной и лиру Вас. Федорова. Но поэт вложил в него и свое личное, еще более раздвинул рамки его содержания. «Большое слово: красота». Поэт придал ему и философский смысл, увидел в нем еще неведомые грани. Не только в человеке, но и в социалистическом обществе, государстве все должно быть красиво, прекрасно. Но как революция потребовала от наших отцов и дедов многих жертв, так и на утверждение новой жизни пришлось положить немало сил и утрат.

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

Эту строфу я процитировал из поэмы Вас. Федорова «Проданная Венера». Здесь Красота выступает в двух ипостасях: как символ Свободы и Счастья и как пусть необычная, но земная, живая красота.

Герои поэмы — деревенская девушка, красавица Наташа Граева и «Венера» Тициана. «Венерой» пришлось заплатить в первые годы индустриализации страны за станки и машины.

Мы пропадали без железа,
И рабство нам грозило
Всем.

Домны Магнитогорска, новые заводы помогли нам вложить в руки Советской Армии оружие, сокрушившее фашизм. Тяжкий труд Наташи Граевой в годы Отечественной войны на обезлюдевших колхозных нивах преждевременно лишил ее женской прелести и стати. Но фронт и тыл имели в достатке хлеб.

Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясенья
И горе одного двора.

Опять сошлись в поэме два начала — Серп и Молот. Этот-то союз и сделал нашу Родину могучей и процветающей.

Наташи прежней мы
не встретим,
Но людям жить и быть красе.

Ибо красота сильнее зла. Она созидательна. И, как бы обращаясь в поэме к молодому поколению, автор говорит, чего стоила старшим нынешняя светлая жизнь.

Кровь пролилась,
А не чернила
В сражениях за красоту.

А пойти на такой подвиг могли лишь люди особенные, с характерами необычными. Именно такие герои — сильные, мужественные, с биографиями сложными, правде преданные без выгоды — и привлекают Вас. Федорова. Уже одни названия его поэм говорят об этом: «Бетховен», «Аввакум»; или его герои Игнат и Харитон — гордые люди из поэмы «Золотая жила». В этой влюбленности, очевидно, сказалась собственная биография поэта. Он рано потерял отца, человека веселого, наделенного недюжинной удалью. Семья была большая (Василий — девятый ребенок), но дружная, воистину комсомольская. Организацию комсомола Марьевки возглавляли поочередно почти все братья и сестры Василия Дмитриевича. Побывал и он в комсоргах колхоза. Нэп, коллективизация. Все страсти разгорались на его глазах. Что, конечно, не могло не найти отклика в творчестве поэта. Шел решительный бой между добром и злом.

Поэт волен облекать свои думы в любые формы, искать образ для выражения идеи в любых эпохах. Важно, чтобы все это, отвечая замыслу, слилось в единый сплав, который Поль Валери называл «праздником разума». Таким подлинным праздником для всех любителей поэзии явилась небольшая по объему поэма Вас. Федорова «Бетховен». В ней автор повел читателя «к той милой, чистой, гордой, к Возлюбленной, чье имя Красота». Теперь уже в слово «красота» поэт вкладывает понятие добра. Но путь к победе добра над злом нелегок. Чтобы прийти «в тот новый мир, где не бывает лжи», «где злое все утрачивает власть», герою поэмы пришлось изведать страшные нравственные и физические муки. «И то, чего не сделал страхом кары, свершу любовью я и красотой». И свершил. Добро победило. Оно сегодня и является главным и определяющим в нашей жизни.

Как правило, художник не любит рассказывать о том, как рождалось его произведение, что тут послужило импульсом. Вас. Федоров не исключение. И все же однажды, собираясь в Марьевку, он сказал:

— Уж больно там хорошо пишется. Ветер — и тот вдохновляет. Честное слово. Вышел как-то вечером в поле. Тучи ходили низко. Потом поднялся ветер. Сильный, низовой. Траву прижал к земле, словно утюгом. Злой ветер. Сполохи на горизонте заиграли. И в этом свисте и улюлюканье природы мне вдруг почудился Бетховен: один, огромный, в безбрежном равнодушном поле. Явственно услышал его героическую симфонию. И стих ветер, погасли сполохи, а музыка, набирая силу, звучала все мощнее...

* * *

«Сочиненьице», которое Вас. Федоров нам прочитал летним вечером 1959 года, назвав его тогда отрывком из задуманной поэмы с условным названием «Седьмое небо», через восемь лет стало цельным эпическим произведением. «Седьмое небо» было предметом особого внимания поэта. Эта поэма как бы собрала в единое полифоническое полотно многие из тех черт и звуков, которые можно обнаружить в предыдущих произведениях Вас. Федорова.

«У моих поэм есть своя логика развития,— пишет Василий Дмитриевич,— видимые и невидимые связи, которые нельзя нарушать. В «Лирической трилогии», например, заложены многие последующие темы: «Марьевская летопись», «Далекая», даже «Бетховен», не говоря уже о «Седьмом небе», в котором читатель обнаружит прямую связь с «Трилогией».

И все же «Седьмое небо» — новый, уверенный шаг в творческой биографии поэта. Автор как бы исследует красоту человека социалистического общества, когда «страна саней, страна телег» стала крылатою. И не только потому, что люди ее овладели техникой «моторного века». Нет, главным образом потому, что они стали крылатыми в своих делах и помыслах. А если порой и ошибаются, то их «судят красотой» — высшим судом справедливости (еще одну сторону отгранил поэт в Красоте). Таким-то людям по плечу и седьмое небо. Олицетворением этих черт предстает в поэме ее главный герой Василий Горин. В его разум и сердце автор вкладывает и свои раздумья, надежды, мечты, свою, наконец, веру. Василий Горин мог стать любовью, повернутым лицом поэта потому, что «собравшим душу» его является старый рабочий Силыч. Василий Федоров и здесь не изменяет своим привязанностям. Помните: «Но все сильнее к вам тянусь, мои товарищи рабочие».

Мне посчастливилось быть слушателем первой и последней глав поэмы «Седьмое небо». Прочитав «Эпилог прощаний», помнится, Василий Дмитриевич сказал, как всегда, не отводя прямого взгляда от своих слушателей:

— Ну, вот и все. Главную свою работу завершил.

С тем, что поэма «Седьмое небо» в двухтомнике занимает особо важное место, пожалуй, можно согласиться. И то, что она требует развернутого, глубокого разговора (так много затронуто в произведении политических, социальных и нравственных проблем), тоже верно. Но с тем, что «Седьмое небо» — главная его работа, я согласиться никак не могу. Перо Василия Федорова остро отточено, сердце молодо. Его ждут впереди дороги нехоженые. Однако уже сделанное поэтом позволяет мне ответить на вопрос, заданный им самому себе тридцать пять лет назад в одном из первых стихотворений, с цитаты из которого я и начал эти беглые рассуждения: быстрая волна жизни взметнула Вас. Федорова высоко благодаря его удивительному таланту.

НАКАНУНЕ ВСТРЕЧИ

С 19 июля по 2 августа 1971 года в Москве будет проходить VII Международный кинофестиваль.

«Огонек» обратился к председателю Оргкомитета кинофестиваля — председателю Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР А. В. РОМАНОВУ с просьбой рассказать читателям о предстоящем фестивале.

— Что обещает новый фестиваль, какие предстоят встречи? Сохранит ли VII Международный кинофестиваль свой широко представительный, демократический характер и высокий художественный уровень?

— Наш нынешний фестиваль — это седьмая московская встреча кинематографистов мира. Как и в прошлом, его благородный девиз «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!» вызывает огромный интерес деятелей прогрессивного искусства всех континентов.

Вполне естественно, что фестиваль будет носить широко представительный характер. Генеральная дирекция фестиваля получила уведомления от кинематографий более чем сорока стран об их желании участвовать в фестивале. Среди них Австралия, Англия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Дания, Испания, Италия, Канада, ОАР, Польша, Франция, Чехословакия, Швеция, Югославия, Япония...

— Можно ли узнать, какие ленты поступают на фестиваль? Какой характер они имеют?

— Как и в прошлом, Генеральная дирекция фестиваля уделяет наибольшее внимание произведениям прогрессивного киноискусства, проникнутым демократическими и социалистическими идеями. Наш фестиваль, разумеется, не могут интересовать откровенно коммерческие картины, далекие от истинного искусства, пропагандирующие жестокость, насилие, порнографию... Повторяю, нас интересует прогрессивное искусство, нас привлекают художественные открытия в искусстве кинематографа, а не спекулятивные поделки, рассчитанные на дурной вкус.

— В составе жюри московских кинофестивалей всегда были представлены талантливейшие художники национальных кинематографий. Кто нынче войдет в состав жюри?

— Крупнейшие мастера мирового экрана уже ответили согласием на наше приглашение. Среди них Велько Булаич (Югославия), Армандо Роблес Годой (Перу), Валерио Дзурлини (Италия), Клод Лелюш (Франция), Джеймс Олдридж (Англия)... Членам жюри предстоит провести за 10 дней огромную работу: просмотреть и оценить многие десятки фильмов самых различных достоинств, жанров и стилей... Золотые и серебряные медали, присуждаемые жюри московских фестивалей на основе объективных оценок, с учетом суждений прессы и многотысячных зрительских аудиторий, высоко котируются у кинематографистов всего мира.

ПОРТРЕТ ПРИРОДЫ

Ник. КРУЖКОВ

На картинах Петра Николаевича Малышева вы не увидите человека. Художник приводит вас в лес, на луг, заросший одуванчиками, к тихому озеру, раскинувшему свое голубое полотно среди дубравы, или к избушке, заваленной до крыши розовым январским снегом, и оставляет наедине с природой — любуйтесь, дышите лесным душистым воздухом, напоенным запахом трав и цветов или пьянящим морозцем, от которого спирает в груди. Любуйтесь и размышляйте: все это вам дóрого, близко, это ваша родимая сторонка,— и какая-то неизбывная нежность прильет к вашему сердцу, нежность вместе с легкой грустинкой, словно зазвучала где-то совсем рядом русская песня, трогательная своей красотой и ясностью. Художник любит бродить один по лесам, по уличкам маленьких городов, таких, как Таруса, Переславль-Залесский («Обходил все, до Вышнего Волочка»,— говорит он своим круглым московским говорком), высматривая красоту в большом и малом, а потом делится своим душевным настроем, своим восприятием прекрасного. Художник уже не молод, но и не стар — какая же старость в 62 года! — глаз у него точный, верный, кисть твердая, а главное, сердце открыто нараспашку навстречу солнцу, цвету, запахам, воспринимается все остро, чувственно, волнительно. Недавно в Выставочном зале Союза художников РСФСР прошла персональная выставка П. Н. Малышева. Зритель тепло встретил пейзажи художника, заполнив книгу отзывов многими добрыми словами в адрес живописца.

Его любимым учителем был покойный Николай Петрович Крымов, блистательный мастер пейзажной живописи и превосходный педагог. В своих воспоминаниях о нем Петр Николаевич Малышев пишет: «Мое отношение к Николаю Петровичу граничило с преклонением перед ним... Когда я на него смотрел, то видел в нем и русскую масленицу и тихое знойное лето с запахом лип. Видел и снежную зиму, и печальную осень с вереницей улетающих журавлей, и «пьяную» волнующую весну».

Примерно такими же словами мне хотелось выразить свое отношение к самому Петру Николаевичу, когда я побывал в его мастерской. Верный ученик Крымова, он воспринял его творческие уроки. В мастерской у Малышева вас не покидает странное ощущение, что пахнет здесь не красками, а лесом, лугами, болотцем, заросшей осокой, жнивьем. Правдивость, проникновенная реальность, глубокое ощущение мастером природы производят это чудо.

Существует совершенно ложное представление о том, что, если художнику не удается рисунок, лучше стать ему пейзажистом — это, дескать, легче. Тут полезно вспомнить Крымова. Своим ученикам он говорил: «Пишите вернее, помните, что рисунок в пейзаже так же должен быть точным, как и в портрете человека. Пейзаж — это портрет природы. Хорошо написать пейзаж так же трудно, как написать любое хорошее произведение».

Малышев — ученик Крымова. Временами в его картинах угадывается манера учителя. Но это не подражание, не движение слепого по пробитой уже тропе — есть в мастерстве Петра Николаевича свое, ему лично присущее, какое-то особое, ему именно свойственное, лирическое звучание. В великолепном хоре русских пейзажистов возник новый свежий голос, и его слышишь, он отчетливо дополняет мелодию. Малышев овладел тем необходимым для художника мастерством, которое позволяет ему верно передавать не только тон отдельных предметов, что, разумеется, важно, но и общую тональность, что еще важней. Завет Николая Петровича Крымова он положил в основу своего творчества: «...художник, умеющий передать общий тон, в тысячу раз сильнее художника, который выписал все детали, сумел соблюсти все нюансы, а в общий тон не попал».

От картин Петра Николаевича Малышева не хочется отрываться,— они дышат, живут, поют, играют гаммой цветов. Как бы ни была хороша репродукция, она покажет вам художника лишь вполсилы. Только оригинал, вышедший из-под кисти мастера, может дать подлинное представление о творческой силе художника. Все же давайте вглядимся в его «Розовое облако». Вы чувствуете наступление осени в общем тоне картины — в колеблемой прохладным ветром березе, уже одевшейся в золотой наряд, вы ощущаете, как с земли поднимается темнота, а облака и вершины деревьев еще полны солнцем, но вот и оно скоро скроется за горизонт, а облака померкнут, станут серыми, и прохлада поползет с низин. А его «Ветреный день» создает у вас ощущение зябкости, как будто вы и впрямь стоите на ветру, и пальто у вас расстегнуто, и сумрачный сентябрьский день пахнет дождем, готовым промочить вас до нитки. «Лето» Малышева, напротив, вселяет в вас чувство бодрости, жизнерадостности, хочется вбежать вот на эту узкую тропинку и дышать полной грудью и любоваться нежной голубизной неба и всей прелестью наступающего дня.

Откуда возникает в человеке художник? Вряд ли можно проследить с точностью этот процесс. Петр Николаевич, посмеиваясь, рассказывал о своем первом публичном творческом выступлении. Было ему тогда лет шесть. В московском дворике на влажной от недавнего дождика земле он изобразил извозчика и барыню, которая едет в извозчичьей пролетке. Мальчишки были в восторге, а один из наблюдавших его творчество взрослых соседей сказал: «Ну, Петя, еще, глядишь, будешь художником».

Сосед как в воду глядел: Петр Николаевич действительно стал художником. А мог бы и не стать, мог бы стать музыкантом. Учась в московском художественном институте, теперь носящем имя Сурикова, он одновременно учился в музыкальном училище по классу рояля. И сейчас у него в мастерской стоит рояль.

— Теперь музыка — мое хобби,— сказал Петр Николаевич.

Мы оба рассмеялись — так не подходило это модное словцо ко всей обстановке мастерской и к самому хозяину, широкого склада москвичу с типичной доброй московской речью, и к его славным картинам — сказаниям о русской природе.

П. Малышев. РОЗОВОЕ ОБЛАКО.

ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ.

П. Малышев. ЛЕТО.

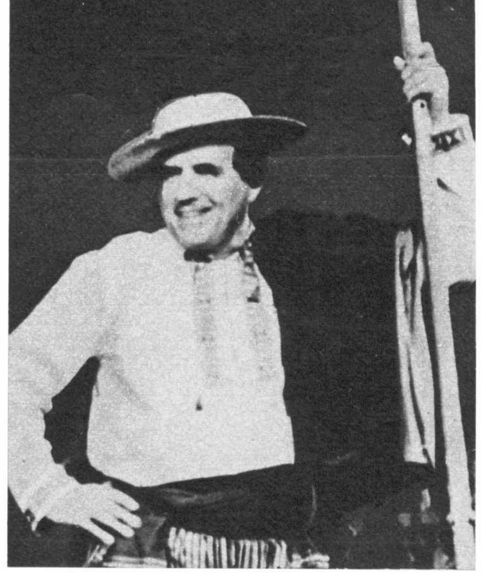
ОВАЦИИ ПОЛТАВЧАНАМ

Н. БАЛАШОВА

Наталка В. Волковой.

И. Козловский поет Петра.

Фото И. Галанюка.

Диканька. Великие Сорочинцы. Миргород... Уже в самих названиях таится притягательная сила дорогой с детства поэзии гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Сорочинской ярмарки», поэзия тихих, словно настоянных на цветущем разнотравье, украинских ночей с иссиня-черным небом, с мерцающими серебром звездами и обязательным серпом остророгого месяца, того самого, что был украден чертом в достопамятную ночь под рождество, и, конечно, с неповторимой прелестью берущих за душу грустных и задорных, озорных и нежных песен и вихревого, огневого гопака...

И вот она пришла к нам, Украина, во всей красоте и цельности самобытного национального характера, пришла в спектаклях Полтавского музыкально-драматического театра имени Н. В. Гоголя, в лучших произведениях классиков украинской литературы: «Наталка-Полтавка» И. Котляревского, «Ой, не ходи, Грицю...» и «Сорочинская ярмарка» (по Гоголю) Н. Старицкого, «Сватанье на Гончаровке» Г. Квитка-Основьяненко, «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского... И каждая встреча с ярким искусством полтавчан превращается в праздник для зрителей и для актеров. Ведь старейший на Украине театр, возникший в начале XIX века, впервые гастролирует в Москве, впервые держит столь ответственный и почетный экзамен. А театру есть чем гордиться, есть о чем рассказать. Это на его сцене работал великий основоположник сценического реализма М. С. Щепкин, работал в ту пору, когда возглавлял театр его создатель и первый директор Иван Котляревский, автор бессмертной «Энеиды», специально для Щепкина написавший роль Макогоненки в «Наталке-Полтавке»... Здесь, на полтавской сцене, начинали свой путь в искусстве корифеи украинской оперы М. Литвиненко-Вольгемут и И. Паторжинский, Б. Гмыря... Впервые чарующий голос И. Козловского прозвучал на полтавской сцене в партии Петра все в той же вечно юной и вечно прекрасной «Наталке-Полтавке».

...Богата и разнообразна сегодня афиша Полтавского театра. Драма, опера, оперетта, украинская и русская, представлены в ней на равных правах. Но лицо театра, его неповторимое обаяние определяет, конечно, своя национальная классика в гармоническом единстве поэзии и музыки, лиризма и юмора. И, очевидно, есть глубокий и здравый смысл в том, что никакие веяния изменчивой театральной моды, никакие новации не коснулись на полтавской сцене спектаклей ее золотого фонда. И пусть чуть наивными кажутся на первый взгляд в наши дни детально выписанные пейзажи на задниках, бутафорские деревья и цветы, любовно «выстроенные» на сцене хаты с плетнями и перелазами... Именно они, эти добрые, «испытанные» приметы театрального зрелища, вызывают каждый раз гром аплодисментов зала, словно бы соскучившегося по реалистическим декорациям.

Ничего предосудительного нет и в том, что можно найти некоторую схожесть оформления, сделанного, скажем В. Геращенко к спектаклям «Наталка-Полтавка» или «Сорочинская ярмарка», с декорациями А. Камарды к спектаклю «Сватанье на Гончаровке». Неповторимая щедрая красота украинской природы направляла каждый раз руку художника, открывала перед ним и сине-голубые заречные эти дали, и веселые ряды белоснежных хаток вдоль улицы села, и традиционный колодец, и обязательные мальвы у плетня... А красочные наряды девушек, яркие кушаки парубков, волны лент в девичьих венках... Они довершали ощущение радостности, праздничности, полноты жизни, царящих на сцене.

Чувствуется, что в этом театре любят и ценят актера. И как бы изобретательно ни строил режиссер ту или иную сцену, какими бы жанровыми картинками ни расцвечивал действие — как это очень красочно и весело, каждый по-своему делают режиссер Б. Прокопович в «Наталке-Полтавке» и В. Кашперский в «Сорочинской ярмарке»,— на первом месте всегда остается актер во всей неповторимости его творческой индивидуальности.

Прекрасным голосом, отличными внешними данными одарила природа В. Волкову, признанную в 1969 году лучшей Наталкой на республиканском конкурсе в ознаменование 200-летия со дня рождения И. Котляревского среди исполнительниц роли Наталки-Полтавки. В образах Наталки, Параси в «Сорочинской ярмарке», Ульяны в «Сватанье на Гончаровке» В. Волкова словно бы олицетворяет различные грани чистого и нежного девичьего характера, способного на большую, сильную любовь, на великую жертву во имя счастья другого.

Колоритнейшие типы старых казаков — спившегося Прокопа и хитрого Кандзюбы, благоденствующего Макогоненки и сидящего под каблуком жены Черевика создают А. Плахотниченко, Ю. Гравий, В. Конопацкий, Ю. Попов. А во влюбленном в Ульяну дурачке Стецько, каким его играет и поет В. Сиденко, есть даже что-то наивно-трогательное...

Совсем небольшие роли друга Петра Миколы в «Наталке-Полтавке», шутника Дмитро в спектакле «Ой, не ходи, Грицю...» и цыгана Хвенько в «Сорочинской ярмарке», но надолго запоминаются крепкая, ладная фигура Миколы В. Любанского, весельчака и балагура, его темпераментные песня и пляска, и совершенно противоположные образы белобрысого, добродушного Дмитро, так блестяще дирижирующего хором, и хитрого, ловкого, верткого Хвенько, сыгранные В. Бурлаковым.

А какого великолепного Поповича видишь в «Сорочинской ярмарке» в исполнении П. Юзефовича,— длинный, как жердь, этот Попович смешон, нелеп, глуп. Отлично поставлен режиссером В. Кашперским и балетмейстером Е. Безгиным дуэт Поповича с Хиврей (Л. Онищенко) и отлично сыгран актерами.

Почти в каждом спектакле мы встречаемся с А. Зазимко, обладателем мягкого, приятного голоса, и Л. Онищенко, актрисой сочной, характерной. И каждый раз,— хотя герои Зазимко, молодые влюбленные парубки, и героини Онищенко, разбитные, острые на язык бабенки, повторяются из пьесы в пьесу,— актеры находят для них особые черточки, штрихи характера.

...Наверное, иначе и не могло быть: в дни гастролей полтавчан в столице в своей первой роли Петра вновь вышел на сцену Иван Семенович Козловский, приняв участие в нынешней постановке «Наталки-Полтавки», интересно и ярко осуществленной главным режиссером театра Б. Прокоповичем.

ГОЛОС ПЕВЦА

В голосе каждого человека есть только ему присущие интонации, тембр, регистр. Мы помним и узнаем голоса любимых, близких, дорогих нам людей, они без подсказок дополняются внешним обликом, радуют, как при долгожданной встрече.

Но есть голоса, известные всем и каждому — в лицо, звучание их так зримо и полно, что не нуждается ни в каком представительстве. Когда такой голос звучит в эфире, или за кадром, или на грампластинке, мы угадываем его сразу, не сомневаясь; он волнует нас не только своей красотой, совершенством, но и особой знакомостью, даже близостью.

Вот поэтому, когда сидящие в Большом театре на утреннем спектакле 25 июня 1971 года услышали такой знакомый, всеми любимый голос, они встретили появление певца на сцене долгой овацией.

Певец этот был Иван Семенович Козловский, исполняющий партию Петра в опере Н. Лысенко «Наталка-Полтавка».

Вместе с ним на подмостках Большого театра впервые выступил Полтавский государственный музыкально-драматический театр имени Гоголя. В этом спектакле многое происходило впервые. Впервые полтавчане на сцене Большого театра, впервые исполнительнице роли Наталки актрисе В. Волковой пришлось петь в Большом в день своего рождения, впервые И. С. Козловский выступил перед москвичами с партией Петра.

Но самое замечательное среди всех этих «впервые» было именно в повторности, в том, что знакомство И. С. Козловского с ролью Петра было не нынешним, а возобновленным, возобновленным более чем через пятьдесят лет. Значит, все-таки опять — впервые через пятьдесят лет — певец вернулся к партии Петра в «Наталке-Полтавке», с которой начиналась его артистическая карьера.

В сезоне 1920 года Полтавский театр имени Гоголя пригласил молодого певца И. С. Козловского, тогда еще студента Киевского музыкально-драматического училища имени Лысенко, выступить с партией Петра. Гастроли должны были продлиться две недели. Но гражданская война задержала певца в Полтаве надолго, до 1923 года. Там он служил в инженерных войсках и учился на курсах красных комиссаров. Потом был дебют в Харькове, а затем, с 1926 года,— Москва. Дальнейшие события артистической жизни Козловского известны, а вот Петр из «Наталки-Полтавки» остался как бы за рубежом его молодости и никогда не возобновлялся ни в постановках, ни в репертуаре певца.

И вот снова молодой, юношеский голос слышен за сценой, украинский парубок появляется перед зрителем. У искусства свои законы,— вдохновением, артистизмом побеждается недоверие, скучная трезвость самого неподатливого слушателя, побеждаются, как оказалось, даже годы, даже полувековые разрывы: Петр юн, молод сегодня так же, как пятьдесят лет назад.

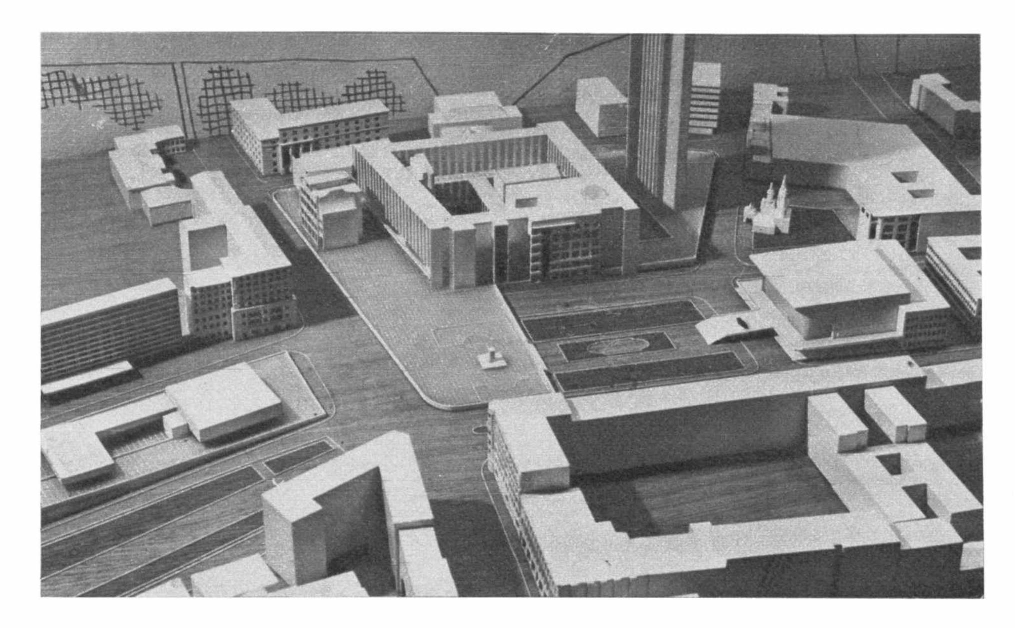
Голос Козловского помнят и узнают поколения слушателей и даже не удивляются его неподвластности времени. Этот голос был снова молод.

В спектакле «Наталка-Полтавка», прозвучавшем на сцене Большого театра, зрители-слушатели были околдованы какой-то особой, загадочной и волнующей молодостью Ивана Семеновича Козловского.

Нет смысла разгадывать ее секрет: все попытки окажутся беспомощными. Для этого стоило бы вспомнить всю жизнь певца изо дня в день, всю его каждодневную, будничную работу, его концерты и спектакли, на которых нам посчастливилось присутствовать,— и все же секрет не был бы разгадан.

Ну что же, пусть эта молодость останется особенностью голоса Козловского, который поколения слушателей помнят и узнают, как помнят и узнают голоса любимых, дорогих людей.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Так будет выглядеть Пушкинская площадь, где уже осуществляется строительство редакционно-издательского комплекса «Известий». Проект реконструкции площади разработан в мастерской № 14 «Моспроекта-2».

Фото А. Стужина. ТАСС.

Столица шагает в завтра

РАЙОНЫ МЕНЯЮТ ОБЛИК

Москвичей трудно удивить темпами и размахом современного строительства: буквально на глазах у них меняют свой облик целые районы, прокладываются новые магистрали, возводятся кварталы жилых домов и уникальные сооружения. И все же новый генеральный план развития Москвы, недавно утвержденный ЦК КПСС и Советом Министров СССР, поражает небывалыми масштабами намеченных работ, поистине гигантскими размерами преобразований, которые предстоит осуществить уже в недалеком будущем. Достаточно сказать, что намечено, например, увеличить жилой фонд города по сравнению с ныне существующим примерно в полтора раза!

— Помимо этого, столица обогатится тысячами других зданий и сооружений,— рассказывает начальник 2-го управления жилищного строительства Главмосстроя Д. Деминов.— Сеть розничной торговли расширится более чем вдвое, в три — три с половиной раза станет больше кинотеатров, вчетверо больше мест будет в московских гостиницах. Я называю именно эти объекты, потому что их возведение — специальность трестов, объединяемых нашим управлением. В начавшейся пятилетке мы построим для маленьких москвичей 125 школ, введем в строй больничные здания на двадцать две тысячи коек. Для сравнения напомню, что в минувшем пятилетии больничная сеть столицы увеличилась на десять тысяч мест. Наше управление, как и прежде, остается «монополистом» в строительстве магазинов и других предприятий торговли. Из них особо надо отметить два крупных универмага — на Комсомольской и Колхозной площадях. Кроме того, в ближайшие годы предстоит завершить возведение нового здания газеты «Известия» на Пушкинской площади, гостиницы на Смоленской площади, Вычислительного центра ЦСУ СССР и многих других объектов, предусмотренных генеральным планом развития Москвы.

В. ДОЛИН

ЗА СЧЕТ ЧЕГО?

Однажды ветеран Кировского завода Николай Лебедев привел в механический цех своего племянника Евгения. Он был небольшого роста, худощав, но шустр в работе. С первых дней ему понравился старенький шлифовальный станок. Но до шлифовального круга ему никак не дотянуться... Мастер окинул парня взглядом, почесал затылок и тут же приказал столяру соорудить к станку деревянный подмосток.

— Вот теперь вижу: быть тебе шлифовщиком,— сказал дядя старательному племяннику.

Вскоре началась война. Двадцать опытных шлифовальщиков-кировцев полетели самолетом на Урал помогать делать танки. Среди них был и паренек с Нарвской заставы Евгений Лебедев. Дядя не ошибся: племянник его со временем стал отменным шлифовщиком.

Слава большого мастера своего дела утвердилась за коммунистом Лебедевым не только на Кировском заводе, но и во всем Ленинграде. И, выражая думы ленинградцев, Лебедев, делегат XXIV съезда КПСС, с трибуны съезда поведал о тех поисках новых резервов, которые ведут рабочие города Ленина. Что касается его самого, то он, все подсчитав, готов выполнить пятилетку за три с половиной года.

Вернувшись в Ленинград, член ЦК КПСС Евгений Иванович Лебедев сразу же отправился в свой цех на участок, где обрабатываются детали к трактору «К-700». Он побеседовал с каждым станочником своей бригады, потом пошел на соседний участок, где работает молодой, смекалистый шлифовщик Анатолий Козлов. Они долго что-то обсуждали, подсчитывали, а вскоре весь цех узнал об их социалистическом обязательстве:

— Пятидневное задание — в четыре дня!

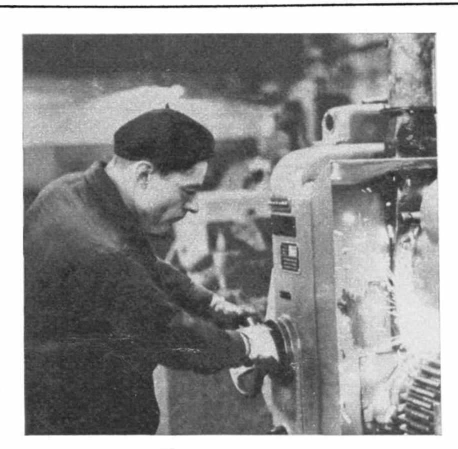
...В обеденный перерыв мы встретились с Е. И. Лебедевым и спросили его: за счет чего он и его друзья намерены выполнять пятидневное задание в четыре дня?

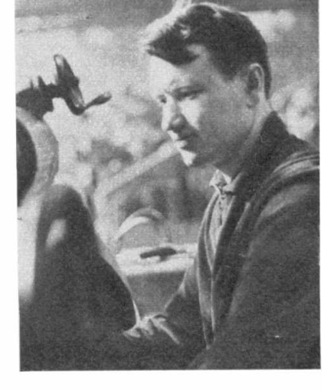
— Нам этот вопрос многие задают,— улыбается Евгений Иванович.— Конечно, не за счет мускульных усилий. В минувшей пятилетке наша бригада выполнила двенадцать годовых норм. Помог нам комплексный план повышения производительности труда, разработанный на каждом рабочем месте. И на этот раз рассчитываем на такой план. Я и мой сменщик обслуживаем по четыре станка, а когда внедрим приспособление, намеченное комплексным планом, то возьмем по шесть станков. Анатолий Козлов работает сейчас на двух станках, а собирается взять еще один станок. Или вот еще резерв...

И Лебедев живо рассказывает о всяких технических новшествах, принятых на вооружение, о помощи инженеров, экономистов.

...Прошло немного времени с того дня, как двое рабочих Кировского завода — Е. Лебедев и А. Козлов — предложили план пятидневки выполнять за четыре дня. А у них уже тысячи последователей — строителей турбин и кораблей, станков и генераторов...

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимках — инициаторы ценного почина:

Член ЦК КПСС рабочий Евгений Иванович Лебедев.

Рабочий Анатолий Александрович Козлов.

Фото В. Самойлова.

Дорогие читатели—сибиряки и дальневосточники!

«Огонек» много раз рассказывал о первопроходцах заангарской тайги, о монтажниках Красноярской ГЭС, славном городе Владивостоке, о мужественных островитянах с Сахалина и Курил...

В нынешнем году мы хотим еще шире познакомить наших читателей с тем, как победно шагает пятилетка по просторам Сибири и Дальнего Востока; с тем, как сибиряки и дальневосточники преобразуют лик своих земель, сооружают гигантские комбинаты и электростанции, воздвигают новые города и перестраивают старые, делают все для того, чтобы жилось здесь лучше, легче, красивее...

В одном из ближайших номеров журнала появится рубрика: «Огонек» — в Сибири и на Дальнем Востоке». Открывая эту рубрику, мы обращаемся к вам, дорогие читатели — сибиряки и дальневосточники:

напишите нам о еще малоизвестных местах; о ваших земляках, об их интересных делах и свершениях, замыслах; о том, как хорошеют и благоустраиваются ваши города и села; о чем вы хотели бы прочесть, что увидеть в очерках и фоторепортажах.

Пишите нам по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Огонек», для раздела «Сибирь, Дальний Восток».

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

24. ФЕВРАЛЬ, 1943. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

Сталинград!..

Жак-Анри обнимает Жюля. Приемник, настроенный на Берлин, передает траурные марши. Они звучат панихидой над могилами солдат из двадцати двух окруженных и разгромленных дивизий вермахта. Правительственный комментатор имперского радио Фриче цитирует последнее высказывание фюрера: «Пусть наши враги знают: если в прошлую войну Германия сложила оружие без четверти двенадцать, я принципиально сдаюсь не раньше, чем пять минут первого!»

Жюль обшарил всю контору сверху донизу и нашел неполную бутылку перно. Сталинград следовало бы отметить по крайней мере шампанским, но где его взять?.. Жюль, морщась, выпивает рюмку, наливает вторую.

— За сталинградцев! За солдат!

Жак-Анри чокается с ним.

— За нас! — предлагает Жюль, разглядывая на свет остатки перно.

— За нас! За победу! За Москву, старина!

Жюль, задохнувшись, переводит дух.

— Пять минут первого... А?! Как тебе нравится?

— До полной капитуляции далеко,— тихо говорит Жак-Анри.— Это только начало.

— Да, но какое!.. За начало!

Жюль переворачивает бутылку, выжимая последние капли. Он не любит и не умеет пить, но сейчас глотает перно, как воду. Жак-Анри настраивает приемник. В Берлине, во Дворце спорта, выступает Геббельс. Через каждые пять минут зал ревет: «Хох!.. Хох!!. Хох!!» Голос Геббельса срывается: «Народ, поднимись, и буря, разразись!..» Ого, пришлось вспомнить и о народе?! А как же с формулой гениальнейшего фюрера: «Я сам и есть Германия»?

Жаку-Анри и весело и грустно. Сталинград, мысль о нем наполняет его ликованием, но к радости примешивается горечь от сознания, что завтра Жюля не будет в Париже. Так решено: Буш и Жюль организовывают отдельную группу в Голландии. Центр подтвердил решение, и Жак-Анри согласен с ним. Напрасно Жюль надеется повлиять на него и заставить отсрочить отъезд. Ночью за ним придет связной.

— За твой отъезд! — предлагает Жак-Анри.— За благополучное начало в Гааге и вообще за все такое...

Жюль отливает в его стакан половину своей доли.

— Нельзя ли отложить?

— Я бы рад, но это зависит не от меня. Ты и сам понимаешь. Ширвиндту сейчас страшно трудно, и ты хотя бы частично заменишь его у себя в Гааге. Буш — прекрасный товарищ, и тебе будет легко с ним. Поверь мне...

— Это так, но все же...

— Оставим, Жюль! Подумай лучше о Вальтере. Он вправе рассчитывать на нас...

— Да, конечно.

— Жаклин поможет мне.

— Ты твердо решил?

— Она умная девочка. Полностью тебя ей, конечно, не заменить, но в конторе я передам ей переписку и некоторые связи. Я проверял: в полиции никто не занимается ее розыском. Сейчас у немцев хватает дел... Немного грима, и с приличными документами Жаклин может растаять в Париже...

Жюль, не присаживаясь ни на миг, ходит по комнате. За один день он постарел и осунулся. Доброе лицо перерезано морщинами. Раньше Жак-Анри как-то не замечал возраста друга; сейчас годы, прожитые Жюлем, все до последнего дня отпечатались у него на лице. Нелегкие годы. Дни и месяцы, когда человек просыпается с мыслью об опасности и засыпает с нею же. Не каждому дано, живя так, сохранить способность любить, шутить, смеяться. Жак-Анри знает товарищей, которые надолго замыкались в себе и трудно перебарывали свою угрюмость. Один из них был его начальником, готовил и в Испанию и в Париж. Он пытался и не мог улыбаться, и, глядя на его сомкнутые губы, Жак-Анри сказал однажды: «Осенний ты человек, Василий Васильевич! Пройдешь — и листья падают». Товарищ не обиделся, неловко отвел взгляд: «Сам вижу, что так... Не проходит...»

А Жюль никогда не скупится на смех.

— Связь по нечетным дням,— напоминает Жак-Анри.— Через машиниста экспресса. Обратная — по четным через буфетчика. Пользуйся ею сам, не подключая Буша. Сведения из Берлина целиком пойдут в Гаагу. Договорились?

— Минна в Италии? Что сказать Шекспиру?

— Она останется там.

Жак-Анри открывает стенной шкаф. В нем длинные и узкие ящички с тысячами вырезок из французских и германских газет. На адреса некоторых немцев Жак-Анри выписывает «Фолькишер беобахтер», эсэсовскую «Дас шварце корп» и даже погромный антисемитский листок Гуго Штрейхера «Дас Штюрмер». Иногда в них мелькают любопытные сообщения, из которых удается извлечь чисто военные данные. Пустяковая на первый взгляд информация о полковом празднике помогает установить местонахождение и полка и дивизии, в которую он входит. До вчерашнего дня картотекой занимался Жюль, теперь Жаку-Анри предстоит самому разбираться в потоке водянистых статей нацистских обозревателей и военных корреспондентов... Москва просила уточнить, где находится Рунштедт и не покинул ли он Францию. Жак-Анри просматривает парижскую информацию, отыскивает позавчерашнее газетное сообщение: «...на перроне статс-секретаря провожали генерал-фельдмаршал фон Рунштедт, генерал пехоты фон Штюльпнагель, генерал...» Позавчера? Сведения могли устареть.

— Я встречаюсь со своим писарем,— говорит Жюль.— Спросить о Рунштедте?.. Кстати, писарю удалось достать копии телефонограмм за две недели, не всех, к сожалению...

— Дай ему новый пароль.

— Для Жаклин?

— Нет. Я сведу с ним техника.

Они разговаривают спокойно, словно ничего не происходит. Каждый показывает товарищу, что по горло поглощен делами и меньше всего думает о расставании.

— Позвонить? — спрашивает Жюль.

— Он вызовет нас сам, когда линия будет чистой. Тебе что-нибудь говорит фамилия Бергер?

— Бергеров пруд пруди!

— А кличка Тэдди?

— Из РСХА?

— Не знаю. Техник подслушал разговор Рейнике. Какой-то Бергер, он же Тэдди, из Швейцарии едет в Париж. Чертовски знакомый псевдоним!

— Скоро узнаешь.

— Да, конечно. Понимаешь, старина, мне все чудится, что этот Тэдди где-то попадался мне... И потом — странно, правда? — не могу отделаться от мысли, что он имеет какое-то отношение к налету на «Геомонд».

— Это от лукавого!

Жюль улыбается. Морщины на его лице исчезают.

— Займись-ка лучше фельдмаршалом.

Жак-Анри с грохотом задвигает ящичек.

— Не могу!.. Погуляем, старина?

...Они идут по набережным Сены, минуя пляс де ля Конкорд, и по Кэ де Лувр добираются до начала Ситэ. С набережной хорошо виден громадный Дворец юстиции, расползшийся на треть острова. и Жюль словно заново рассматривает его... До свидания, Париж!..

На углу патруль проверяет документы. Сворачивать поздно, и Жак-Анри, не ускоряя шага, идет ему навстречу. Вахмистр из полевой полиции, шевеля губами, долго рассматривает удостоверения, переводит взгляд с фотографий на лица Жака-Анри и Жюля и опять на фотографии. Неохотно сует бумаги назад.

— Проходите.

Ничего особенного. Жаку-Анри десятки раз в день приходится лезть в бумажник за удостоверением личности или пропуском. Оккупационный режим в Париже свирепеет со сказочной быстротой. Стены домов заляпаны объявлениями о заложниках, приказами военного коменданта, афишками с портретами разыскиваемых... Теперь, после Сталинграда, немцы еще больше закрутят гайки пресса. Вахмистр на углу явно искал предлог придраться и был чрезвычайно разочарован, найдя, что бумаги Жюля и Жака-Анри в полнейшем порядке.

У моста Арколь — новый патруль. Жюль переглядывается с Жаком-Анри. Ну и припекло же немцев! На этот раз документы проверяют офицеры с черными ромбами на рукавах. В ромбах серебром вышито «СД». Жак-Анри на миг теряет самообладание. СД частенько, вот так, средь бела дня, задерживает прохожих и отправляет их во Фрэн или Сантэ, как заложников... До отъезда Жюля остались считанные часы, и Жак-Анри никогда не простит себе, если с другом что-нибудь случится сейчас...

Пожилой гауптштурмфюрер из руки в руку перекладывает удостоверение Жюля, его ночной пропуск и справку канцелярии коменданта Парижа, что Жюль является сотрудником немецкой администрации.

— Куда вы идете?

— Нас ждет клиент.

— Кого вас?

Жак-Анри выдвигается вперед. Его немецкий язык безупречен.

— Фирма «Эпок», господин офицер. Я ее владелец. Мы строим для вермахта!

— Заткнитесь! Документы?

Жак-Анри протягивает удостоверение. Вежливо поясняет:

— Наш клиент — генерал-майор Пиккеринг. Организация Тодта.

Гауптштурмфюрер повышает голос:

— Заткнитесь!

— Хорошо,— говорит Жак-Анри.

Привлеченный объяснением, к ним направляется штатский. Из-за плеча офицера заглядывает в бумаги Жака-Анри и что-то шепчет. Офицер молча передает ему документы.

Штатский согнутым пальцем подзывает Жака-Анри к себе. Смотрит на Жюля.

— И вы тоже... Пойдемте-ка со мной.

Они входят в подъезд, и штатский спрашивает:

— Кто из вас знаком с генералом?

— Я,— говорит Жак-Анри.

— Его телефон?

— Только служебный...

— Номер?

Жак-Анри достает записную книжку. Открывает на листке с буквой «П». Штатский следит за его пальцем, отчеркивающим строку.

— Пиккеринг?

— Да, да...

Не скрывая сожаления, немец возвращает документы.

— Убирайтесь немедленно! Оба!

Жюль прижимает руку к сердцу.

— Тысяча благодарностей.

Штатский бешено поворачивается к нему.

— Еще одно слово, и я арестую тебя! Вон отсюда, скотина!

...Обратный путь обходится без происшествий. Жюль через каждые два шага ругает немцев. Когда французские ругательства кажутся ему слишком слабыми, он пользуется итальянскими и испанскими. Жаку-Анри становится смешно.

— Прекрати, старина...

— Такой день,— негодует Жюль.— И так испортить!.. Называется, попрощался с Парижем.

25. ФЕВРАЛЬ, 1943. БЕРЛИН, ТИРПИЦУФЕР, 74.

Генерал-лейтенант и кавалер Рыцарского железного креста Франц фон Бентивеньи, несмотря на высокое официальное положение, занимаемое в абвере, далеко не каждый день имеет честь видеться с адмиралом Фридрихом Вильгельмом Канарисом. Он не так близок к нему, как генералы Ганс Остер и Эрвин Лахузен. Третье управление абвера — заграничная разведка и контрразведка,— возглавляемое Бентивеньи, не блещет успехами. В кабинет Канариса генерала приглашают, как правило, по неприятным и обидным поводам. Поэтому, усаживаясь в кресло против стола и стараясь не слишком скрипеть сапогами, Бентивеньи заранее настраивается на очередной выговор. Канарис, маленький, с гладко прилизанными седыми волосами, недобро щурится, слушая Остера, держащего на весу раскрытую папку с документами. Кивок адмирала, адресованный фон Бентивеньи, более чем прохладен.

— Прошу извинить... У вас все, Остер?

— Да, экселенц!

— Задержитесь, и поговорим втроем.

Остер слывет в абвере «теневым адмиралом». Его считают наперсником Канариса и поверенным всех его тайн. Он на чин ниже Бентивеньи и держится в его присутствии подчеркнуто скромно, как младший товарищ, которому предстоит многое перенять у старшего. Это, конечно, не значит, что он так и думает; напротив, у фон Бентивеньи есть основания полагать, что Остер невысокого мнения о его способностях разведчика. Но в абвере все следуют примеру Канариса, который тем лучше отзывается о человеке, чем большим ослом его считает. Эта его манера, в частности, доводит до белого каления обергруппенфюрера Генриха Мюллера, коему Канарис к месту и не к месту поет дифирамбы. Всемогущий начальник гестапо прямо-таки бесится, слыша похвалы

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—27.

своему уму и своей проницательности, исходящие из кабинета шефа абвера. На месте Канариса фон Бентивеньи поостерегся бы играть с огнем, особенно сейчас, когда положение адмирала значительно пошатнулось. Фюрер настойчиво ищет в своем окружении виновников катастрофических неудач на Восточном фронте. Мюллер и Гиммлер, разумеется, не преминули намекнуть ему, что военная разведка провалилась со своими прогнозами потенциальных возможностей Советского Союза...

Фон Бентивеньи, задумавшись, не мигая целится взглядом в высокий, залысый лоб адмирала. Плоские бледные уши Канариса пронизаны склеротическими прожилками; глубокие носогубные складки словно высечены резцом. Старый умный доберман-пинчер. Лучший сторож и лучшая ищейка империи! Неужели Мюллеру удастся свалить его? Сколько врагов у Канариса — Кальтенбруннер, Шелленберг, Мюллер, Гиммлер... Пальцев не хватит, чтобы пересчитать! Был еще Гейдрих, особенно ненавидевший адмирала, но его, слава богу, убрали с пути чешские диверсанты в мае сорок второго... Врагов породила зависть к удачливости и выдающемуся положению в государстве. Умножило их число иное: желание спихнуть ответственность за собственные просчеты на чьи-нибудь достаточно широкие плечи. Канарис — удобная для ударов фигура. Он единолично руководит всей зарубежной агентурой рейха и только один в полном объеме имеет представление о сумме разведывательных данных. Недаром Мюллер пустил слух, что данные эти, выйдя из кабинета Канариса, попадают на стол фюрера в кастрированном и искаженном виде... Жуткий слух, и не дай господь, чтобы фюрер поверил ему!

— Господа,— говорит Канарис, и в глазах его появляется живой блеск,— я только что приехал от Кейтеля. Фельдмаршал информировал меня о заседании Тайного совета и словах фюрера. Не беру на себя смелости цитировать их, но основную мысль хочу довести до вашего сведения... Садитесь, Остер, это надолго...

Остер, цепляясь носками сапог за ковер, огибает стол и занимает место напротив Бентивеньи. Постное лицо его с пасторским благолепием обращено к адмиралу.

Канарис откидывается в кресле и прячет голову в плечи. Золотое шитье на рукавах его мундира тепло мерцает в свете настольной лампы. Обычно адмирал ходит в штатском, форму он надевает лишь тогда, когда его приглашают в ОКВ или ставку фюрера. За последние месяцы он делает это все реже и реже. Словно угадав мысли Бентивеньи, Канарис тонко улыбается, подбирая пухлую нижнюю губу.

— Разговор надолго не всегда означает о плохом, генерал. Сегодня я скорее добрый вестник, чем герольд беды... Зато мой друг Кальтенбруннер изрядно поворочается ночью. Фюрер спросил его, что предпринято штабом Рейнике для ликвидации европейских групп русских. Кальтенбруннер сослался на Шелленберга и заверения Рейнике об окончании операции в месячный срок. «Прошло четыре месяца! — сказал фюрер.— Ваш Рейнике — один из тех, кто помог русским под Сталинградом!»... Вы знаете, что у фюрера исключительная память, господа. На заседании он блестяще доказал ее феноменальные возможности. Кальтенбруннер, по словам фельдмаршала, был раздавлен, когда фюрер перечислил, сколько радиотелеграмм получил русский генштаб от своей агентуры, и отметил при этом, что перехватить и расшифровать удалось не более пяти процентов от общего количества... Как раз здесь — и вполне уместно — фельдмаршал воспользовался паузой и доложил, что мы, то есть абвер, вывели из игры швейцарскую резидентуру русской разведки и добились того, что в будущем она не оправится от разгрома.

— О!

Как ни выдержан фон Бентивеньи, восклицание срывается с его губ. Канарис мягко смотрит на него.

— Не обижайтесь, генерал. Так было надо. Бергера в Швейцарию послал я сам, минуя всех, и он отлично справился с поручением. Там, где РСХА прибегло бы к очередному фарсу со стрельбой, Бергер проявил редкую сообразительность и обошелся без шума. Несколько недель он наблюдал за Марешаль — той самой, которую Шелленберг перетащил в Берлин,— и через нее вышел на некоего Буша. От Буша нить потянулась к издательской фирме «Геомонд» и ее владельцу Вальтеру Ширвиндту. Бергер начал с простого: его человек в налоговом управлении проверил книги фирмы и установил, что расходы всегда превышают доходы. Если верить им, то «Геомонд» работала в убыток... К сожалению, наблюдение за Ширвиндтом ни к чему не привело. Бергеру не удалось выявить его связи, почти ни одной... Не имея прямых улик, Бергер предпочел обойтись без услуг швейцарской полиции и сам — всего на несколько часов — превратился в полицию, прокуратуру и суд. Ему, признаться, здорово помогли чиновники архивов СД, разыскавшие фото Ширвиндта, сделанное еще в Испании. Там его звали иначе; он русский и до тридцать девятого носил чин комбрига... Что скажете, господа?

Остер округло поводит рукой, словно предоставляя Бентивеньи право и честь высказаться первым.

— Блестяще! — говорит Бентивеньи, едва сдерживая досаду.— Но почему я, экселенц, узнаю об этом последним? Чем подал я повод для недоверия?

Глаза Канариса делаются стеклянными.

— Ничем! Но я полагал, что не подотчетен своим подчиненным!.. Надобно ли повторяться, что в разведке все построено на исключениях, а не на правилах? Бергер — исключение, поскольку посылал его я и действиями его руководил я же. У вас, генерал, было широчайшее поле для приложения сил — половина континентальной Европы. Неужто вы столь жадны, что не в состоянии подарить мне одну-единственную Швейцарию? Она так мала и так второстепенна!..

Когда Канарис шутит, ни за что не предугадаешь, чем все кончится. Бентивеньи от юмора адмирала хочется поежиться. Он спешит спасти положение.

— А Германия? Она очищена от агентуры вами!

— Вы имеете в виду группу Шульце-Бойзена? Увы, это сделало гестапо.

— А Харнака... и этой — Альты?

— Да, Альты — Ильзы Штебе... Такие имена надо помнить, генерал. Хорошо, что вы сказали о них. Я долго думал над их делами... Да, да, представьте, мне все казалось, что мы не до конца разобрались и не извлекли всей пользы от следственного и розыскного материала. Так оно и оказалось.

Остер деликатно покашливает.

— Но группы обезврежены, экселенц. Что же еще?

— Система, Остер... Шелленберг всех и вся валит в одну кучу. Он и Кальтенбруннер докладывают фюреру, что вся Европа покрыта сетью русских разведывательных организаций. Они утверждают, что группы связаны между собой и представляют единое целое... Когда подобное заблуждение используется в пропагандистских целях, я готов оставить его на совести авторов и не опровергать. Одними плакатами со словечком «Тс!» не мобилизуешь бдительность немца. Пусть думает, что враг везде, и держит язык за зубами... Но в интересах контрразведки как таковой не раздувать миф о гигантской сети, а трезво смотреть в глаза жестокой правде.

Остер открывает рот и тут же сжимает губы.

— Вы что-то хотели добавить?

— Нет, экселенц.

— Хорошо... Так сколько же групп действует? Много или мало?..— Канарис выдерживает паузу.— Очень мало, господа. Я имею в виду профессионально обученные кадры, а не случайных лиц, используемых как источники и для связи. Вспомните Берлин. Три-четыре активных разведчика и сколько-то помощников, не всегда осведомленных о том, кому они дают сведения. Знал ли, скажем, Шульце-Бойзен о других берлинских группах? Ровным счетом ничего! Ограниченная численность, изолированность и полная конспирация — таков принцип русских.

Бентивеньи решается возразить:

— Но во Франции, экселенц...

— То же самое, генерал. С некоторыми отклонениями, разумеется. Вы ищете там могущественные резидентуры с налаженным аппаратом и сотнями идейных и платных информаторов. Вам мерещатся фантастические по количеству работников группы. А на самом деле русские держат там полдесятка кадровых работников, надежно изолированных друг от друга и вступающих в контакт через посредников и в случае надобности.

У Остера ползет вверх бровь.

— Дом без ключа...

— Что вы сказали?

— Дом без ключа, экселенц. Так назвал эту систему один из чинов гестапо, некто Гаузнер. Довольно метко.

— Не нахожу. Ко всякому дому можно подобрать ключ. А если мы этого не в состоянии сделать, то значит — к черту, на свалку, в крематорий! Ни один охотник не станет держать собак, утерявших нюх!

— Да, экселенц!

«Уж не я ли такая собака?» — думает Бентивеньи и задерживает дыхание.

У Канариса просто дьявольское чутье! Бентивеньи еще не успевает додумать мысль до конца, как адмирал дружески замечает:

— Я не о присутствующих, господа. Вами я доволен... Но вернемся к Франции. Рейнике в Париже ведет свои дела с помощью гадалки. Кофейная гуща и карты вряд ли предскажут ему правду. Докладывая в Берлин, он врет и Мюллеру и Шелленбергу, а те врут Кальтенбруннеру и Гиммлеру. Что касается последних, то их доклады фюреру соответствуют исходному материалу. Все эти господа изображают из себя хоровое общество и, помня о выдуманной ими ко-лос-саль-ной сети, поют в унисон, что стоит им только зацепиться хоть за край, как они доберутся и до середины. Сколько же «краев» им надо?! Брюссель, Марсель, снова Марсель, Лилль, похищенная Марешаль, какой-то контрабандист... И что там еще?.. Любая сеть разлезлась бы, как паутинка, если бы она была и покрывала всю Францию! А итог? Он жалок, господа. Выпадает одно звено, возникает новое. Нащупываем его, появляется третье. Организатор сидит где-то вдали от зоны поисков и хладнокровно наблюдает за нашими усилиями. Больше того, пожалуйте: пеленгаторы нащупали новые передатчики, в Голландии. Что, и эти тоже работают под эгидой Парижа?!

Фон Бентивеньи, забывшись, растерянно моргает. Его опять обошли. Радио-абвер доложил непосредственно адмиралу, миновав 3-е управление.

— Этого не было в сводке.

Канарис сдвигает брови к переносице.

— И не будет! Я приказал не включать в сводку ни строчки. Ее читают слишком многие. В том числе и те, кто настроен против абвера. Это секрет, господа.

Остер торопливо кивает. Канарис еще глубже уходит в кресло. Он точно сник. Складки устало наползают друг на друга, на виске вспухает и начинает отчетливо пульсировать венозная жилка.

— Нас здесь трое, господа. По крайней мере двое — я имею в виду вас, а не себя,— лучшие разведчики Германии. Это не лесть... Займитесь Парижем сами. Часть информаторов, помоему, сидит в Берлине, но их пусть ищет гестапо. Выведите из строя основного фигуранта, как это сделал Бергер в Женеве, и задача будет решена. Я подброшу вам зацепку. Гаузнер, упомянутый вами, Бентивеньи, упустил в Брюсселе одну девицу. Ее же выследили в Марселе, и вновь она ушла. Наконец в Париже один из сыщиков покойной «Сюртэ» обнаружил ее в третий раз. И опять она улизнула. Может быть, это всего-навсего ловкая связная, а возможно, что и фигура покрупнее. Слишком часто она почему-то оказывается там, где горячо. Присмотритесь к ней и не спрашивайте, откуда я знаю о ее третьем появлении и наблюдателе из «Сюртэ». Это мой маленький секрет. Но помните: ключ к этой истории лежит в кармане лейтенанта Мейснера. Я незнаком с ним, но считаю, что ни по возрасту, ни по чину он не заслуживает того, чтобы столь драгоценный предмет становился его собственностью. Отберите у него и ключ и все остальное, Бентивеньи. И завтра же!

— Да, экселенц... Я это сделаю, но Мейснер уже не у нас. Он в штабе Рейнике.

— Верните его в абвер.

— Нужен ваш приказ.

— Я подпишу его... Если девица будет найдена, Мейснер получит Железный крест и назначение на фронт. Пусть делает карьеру в бою.

Остер ногтем почесывает висок. У него холеные руки аристократа. И речь аристократически изысканна и чем-то напоминает Бентивеньи скрипичные пассажи.

— Я бы позволил себе, экселенц, вынести на ваше суждение один проект, возникший экспромтом. Вы удостоили похвалы майора Бергера, которого я имею счастье немного знать по совместным мероприятиям; так не согласились ли бы вы, экселенц, временно — о, на самый небольшой период! — прикомандировать его к нашему отделу в Париже?

Канарис одобрительно наклоняет голову.

— Он уже в Париже, Остер. Еще что-нибудь?

— Пожалуй, все. Я почти не в курсе дел, экселенц, и не смею вторгаться в область, где прерогативы начальника Третьего управления заслуживают уважения и приоритета...

— Это разумно... Ваше мнение, Бентивеньи?

— Я должен ехать в Париж?

— Не стоит. Этим вы поможете Рейнике вывернуться — он обернет себе на пользу ваш приезд и все свои грехи спишет по счетам абвера. Оставайтесь в Берлине; пусть Бергер выступает в качестве посла и ответственного уполномоченного.

— Официально?

— Нет, конечно! Никаких верительных грамот и письменных полномочий. Считается, что он отдыхает после Швейцарии. Шустера и парижский абвер — кого следует — предупредите персонально, что они должны оказывать содействие Бергеру, если он в порядке инициативы надумает предложить им свою помощь. В этом случае его распоряжения будут обязательными для точного исполнения во всех инстанциях разведки или контрразведки. Все... Вы свободны, господа.

Вялой рукой Канарис некрепко жмет руку Бентивеньи и снова ныряет в глубину кресла. Стоя, генерал может видеть на коленях у начальника абвера свернувшуюся уютным клубочком таксу. У таксы взгляд человека, обремененного тысячами забот. Это любимица адмирала — Зеппль-2. Зеппль-1 скончалась еще до вступления Канариса в должность начальника абвера; портрет таксы висит у него над книжным шкафом, напоминая о бренности всего земного и о том, что адмирал живет в мире, где собаки лучше людей.

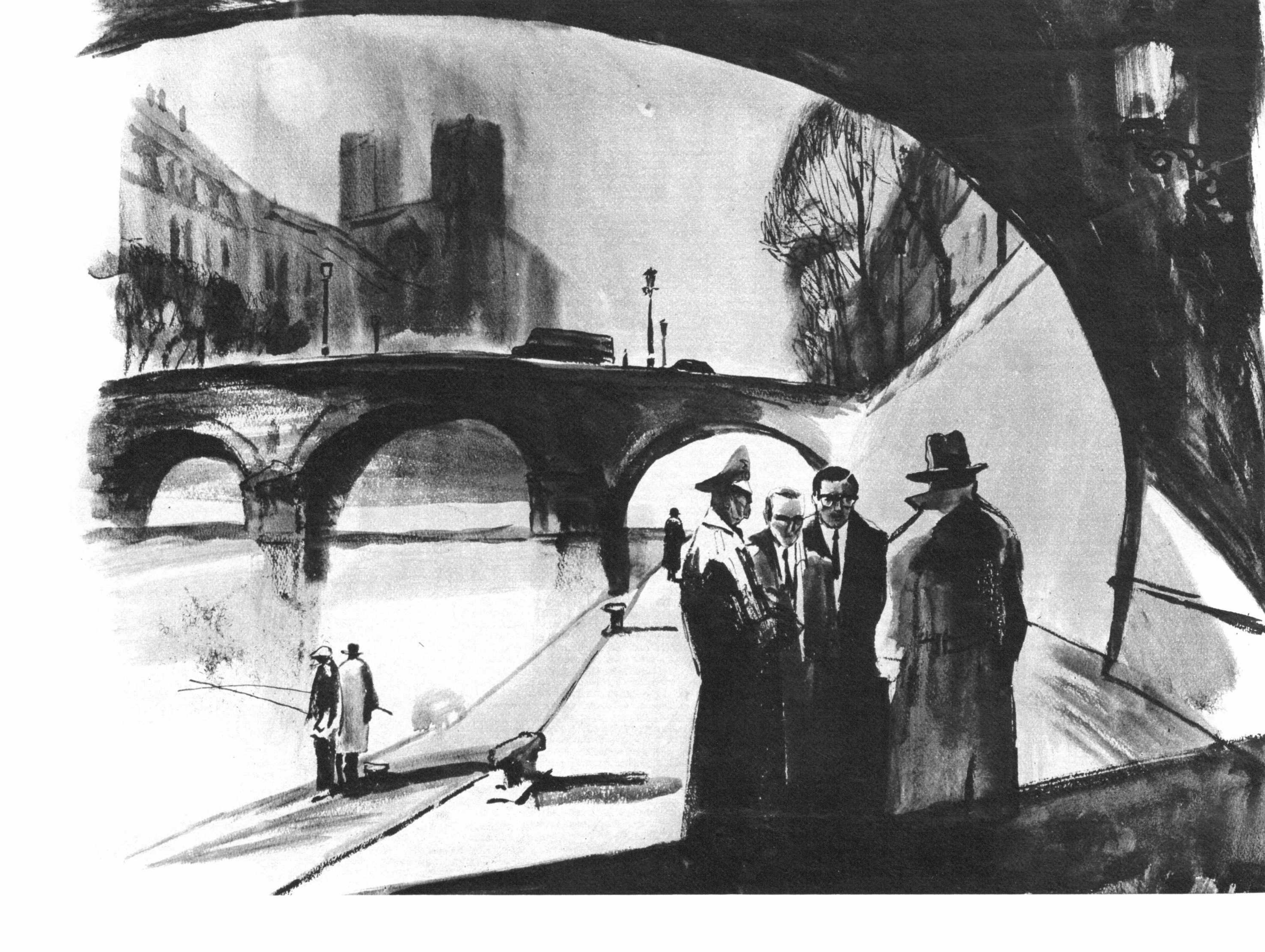
Фон Бентивеньи позволяет себе улыбнуться таксе.

— Как твой животик, Зеппль?

— У нее глистики,— говорит Канарис.— Бедное существо... У вас нет на примете знающего врача, генерал? Тот, что лечит Зеппль, просто шарлатан. Она так страдает.

Бледные уши Канариса розовеют. Послушать, так ничто в мире не волнует его сейчас сильнее недугов таксы! Канарис не был бы Канарисом, если бы позволил хоть одному человеку на свете заглянуть в свою душу. Даже Кальтенбруннер, хвастающий своей осведомленностью о всех и каждом, когда речь заходит об адмирале, только морщится и называет его великим мистификатором. Никто не знает точно вкусов и привязанностей адмирала. Страсть к гладкошерстным таксам на поверку легко может обернуться холодным расчетом человека, прекрасно помнящего, что Гитлер считает себя выдающимся знатоком кинологии, а Эрнст Кальтенбруннер весь досуг посвящает возне с «королевскими» догами. На этой почве между адмиралом и начальником РСХА завязались странные отношения, внешне похожие на дружбу: выпадают вечера, когда они проводят часы за беседой о собачьих статьях и «угрюмый Эрнст» с живейшим интересом прислушивается к мнению Канариса. Общность увлечений не препятствует обоим ненавидеть друг друга так, как это способны делать только люди, смертельно боящиеся один другого.

«У Зеппль глистики,— повторяет про себя Бентивеньи, выходя из кабинета.— Боже мой, куда катится Германия? Глисты паршивой собачонки заботят нас больше проигрыша сталинградского сражения!.. К черту абвер, буду просить у фюрера дивизию — и на фронт!»

Он трижды повторяет про себя эти слова — «на фронт!» — отчетливо понимая, что никогда не подаст рапорта о переводе. Как ни пошатнулось положение Канариса, он еще силен, значительно сильнее, чем хотелось бы Кальтенбруннеру. Удача в Женеве повысила его акции в ОКВ, а успех в Париже поможет крепко усесться в седле. Только сумасшедший покинет его сейчас, чтобы погибнуть, командуя уставшими от войны солдатами. Адмирал справится и с Кальтенбруннером и с Гиммлером и по заслугам воздаст тем из соратников, которые остались ему верны...

26. МАРТ, 1943. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

Вторую неделю Жаклин работает в «Эпок» секретарем Жака-Анри. Обязанности ее многообразны. Почта, телефон, предварительные беседы с посетителями, каждому из которых нужно словно между прочим задать вопрос о погоде в Дьемме. «Не знаете ли, тепло там сейчас?» Если отвечают, что нет, в Дьемме холодно и осадки, то такой посетитель в отсутствие Жака-Анри должен оставить для него конверт с запиской. Помимо двух параллельных телефонов, соединяющих кабинет с приемной, у Жака-Анри есть отдельный аппарат; когда он работает, на табло у Жаклин мерцает зеленый глазок. В такие минуты к Жаку-Анри нельзя никого допускать.

Почты поступает много. Большинство конвертов — с клишированными названиями фирм, но встречаются и частные письма и открытки, и боже упаси хоть ненадолго задержать их у себя! Попав к Жаку-Анри, послания эти словно испаряются — Жаклин не находит их ни в папках, ни в урне для бумаг, которую обязана очищать в конце рабочего дня... Особенно много хлопот с телефоном. Кого нужно соединить с господином Леграном немедленно, а кто вполне может подождать? Ну, с немцами, положим, все ясно: Жаклин строго-настрого приказано переключать аппараты на кабинет, как только она услышит первую же фразу. Не спрашивать ни о чем, а сказать любезно: «Минутку, месье!» — и перевести рычажок коммутатора. А как быть с французами? Особенно с теми из них, которые простецки зовут господина Леграна «месье Жаком» и не прочь с места в карьер назначить свидание самой Жаклин в любом из загородных ресторанов? Это маленькие дельцы, коммерческие посредники и вышибленные из игры биржевые зайцы — народ настойчивый и льстивый. Являясь в контору, они приносят Жаклин бонбоньерки и цветы. И опять Жаклин не знает, как быть: надо ли принимать подношения или отвергать их, блюдя престиж секретаря шефа фирмы. Жак-Анри посмеивается и вполне серьезным тоном советует брать только фиалки. «Они подходят под цвет ваших глаз, дорогая». Сам он занят с утра до вечера и не в состоянии уделить разговорам с Жаклин ни одной лишней минуты. Совещания со строителями, поездки к префекту, деловые разговоры с глазу на глаз, приемы для немецких офицеров... письма, звонки, рукопожатия, вежливые улыбки, сопровождаемые поклонами и многозначительными намеками, смысла которых Жаклин не в состоянии постичь... Калейдоскоп лиц, имен и голосов.

В понедельник Жак-Анри уехал в Нант и вернется не раньше среды. Жаклин должна отвечать, что он гостит у знакомого промышленника в Фонтенбло и просит всех, кому он нужен, позвонить или зайти в среду до полудня. Во второй половине дня у него назначена встреча с военными приемщиками из Тодта, подполковником и майором, в чьем обществе Жак-Анри отчаянно кутил всю прошлую пятницу. Они начали с утра выпивкой в кабинете, потом немцы отвезли Жака-Анри на машине к «Максиму», и дело кончилось коньяком опять-таки в кабинете, причем Жаклин вынуждена была варить им кофе и терпеливо сносить ласковые щипки, которыми подполковник высказывал ей свое расположение. Майора рвало, и поэтому женщины его не интересовали. Жаклин с трудом отделалась от подполковника, всерьез вознамерившегося проводить ее домой, и в понедельник собралась пожаловаться Жаку-Анри, но не успела: он позвонил по телефону и предупредил, что едет в Нант. Жаклин привезла ему на вокзал письма, пришедшие в субботу и воскресенье. Жак-Анри ждал ее на перроне и выглядел отвратительно. Глаза его запали, а лицо было зеленым. Жаклин стало жаль его, и она поцеловала Жака-Анри в щеку, хотя и была сердита.

— Пройдет,— сказал Жак-Анри и погладил ее по волосам.— Будьте умницей и ведите себя хорошо.

— Я не девочка! — обиделась Жаклин.— И не хлещу коньяк с немцами!

— Вам не нравится мой образ жизни?

— А вам?

— Честно говоря, не очень! Но что поделать, дорогая?

— Разве пьянствовать необходимо?

— Оставим это... Мне пора.

— В среду?

— Да, и не ошибитесь, где я! Запомнили? Я в Фонтенбло у барона д'Ашьера. Если позвонит мужчина и с акцентом спросит уважаемого сеньора Переза, не вешайте трубку. Он не ошибся и спрашивает меня. Ответьте ему, что в среду не позднее часа я буду в районе Ситэ, возле дома с числом, совпадающим с числом его лет. Запомнили?

— Еще бы!

— Вы умница, моя дорогая, и я рад, что мы работаем вместе.

Жаклин покраснела. После Марселя она была готова вот-вот влюбиться в Жака-Анри. По утрам подолгу сидела перед зеркалом, рассматривая себя, и страдала. Слишком крупные скулы, а глаза невелики. И брови — одна выше другой. Пинцетиком она выщипала брови, вытянула их в ниточку с помощью карандаша и стала похожей на одну из тех, кого парижане называют «швабским наматрасником». Накрашенные губы делали ее вызывающе яркой. Перед поступлением в контору Жак-Анри повел ее в салон и купил два платья, очень простых по фасону и очень дорогих. В подчеркнутой скромности линий было скрыто что-то привлекательное, и на Жаклин стали оглядываться, когда она завтракала в кафе. Перчатки, сумочка и туфли из кожи одного оттенка и качества, часики на золотом браслете и голубые камеш-

ки в ушах яснее ясного говорили, что Жаклин повезло и она пользуется расположением владельца фирмы. Слова Жака-Анри, что «так надо», ее мало утешали. Придя в контору в первый день, она с раздражением бросила сумочку на стол и сорвала перчатку.

— Меня принимают за содержанку! Это уже слишком, слышите!

Жак-Анри успокаивающе погладил ее по плечу.

— Казаться содержанкой и быть ею — понятия разные.

— Что ж, по-вашему, мне надо повесить вывеску на лоб: «Я не такая...»?

...Новые документы, новая одежда, новые грим и прическа... Казалось бы, и мать прошла бы мимо, встретив Жаклин на улице. И все-таки нашелся человек, который, кажется, узнал ее. Она сидела в кафе, в пассаже Лидо, том самом, где в первый раз встретилась с Жаком-Анри, и думала о нем, о той встрече и о том, что это судьба. Пристальный взгляд из-за витрины лег на ее лоб, заставив поднять голову от чашки с жиденьким супом. Худощавый брюнет в опрятном реглане был знаком. Жаклин определенно встречала его, но где и когда, не могла вспомнить. Взгляды их встретились, и брюнет улыбнулся, отходя... Жаклин покопалась в памяти, но не нашла никого, кто бы был похож на этого брюнета. И все-таки они где-то встречались! Жаклин была достаточно опытна, чтобы отличить улыбку, которой как бы приветствуют малознакомых, но все-таки узнанных людей, от улыбки, знаменующей начало уличного флирта. Она готова была поручиться, что брюнет в реглане не собирался с ней заигрывать.

До самой конторы Жаклин ломала голову, пока ей не показалось, что брюнет и пассаж Лидо чем-то связаны между собой. Не здесь ли она видела его? Когда?.. Ну конечно, начало или середина февраля, завтрак из овощей, запотевшее окно кафе. Брюнет вошел и тут же вышел; тогда на нем был плащ... О мадонна, еще один воздыхатель!.. Жаклин засмеялась, представив себе его длиннейший гасконский нос. Жак-Анри, если бы хотел поухаживать за Жаклин, мог не опасаться такого соперника!

До самого вечера в Жаклин боролись два желания: подразнить Жака-Анри рассказом о поклоннике и умолчать о нем, подождав новой встречи. Назавтра она пошла в Лидо и, конечно же, брюнета не оказалось... Господи, что за дура! Кому придет в голову влюбиться в такую страшилу, как она?.. Думая об этом, Жаклин жалела себя, пока ей не почудилось, что воспоминания о брюнете не замыкаются на одном кафе. Черт возьми, а не появлялся ли он раньше? Она напрягала память, но так и не связала лицо брюнета и его гасконский нос с Парижем или Марселем.

Жак-Анри, с которым Жаклин, промучившись два дня, решила наконец поделиться сомнениями, был настроен гораздо серьезнее, чем она могла ожидать. Он запретил ей показываться в пассаже и посоветовал в тот же день переехать на новую квартиру, о которой тут же по телефону договорился с посредником из бюро найма.

Жаклин переехала.

Квартирка оказалась маленькой и удобной, на последнем этаже, под самой крышей. Консьержка без особого любопытства расспросила ее о привычках, сказала, что дверь внизу запирается, как и везде, в час ночи, и, получив от Жаклин пять франков, вручила ей ключи...

Дом совсем рядом с конторой. Это и плохо и хорошо. Славно, что можно поспать подольше за счет времени, уходившего прежде на дорогу; зато Жаклин меньше приходится ходить пешком и дышать воздухом. Окна в конторе всегда плотно закрыты: Жак-Анри еще в самом начале объяснил, что это сигнал, означающий «все в порядке». При опасности надо изловчиться опрокинуть на стекло бронзовую Терпсихору и постараться выбить его. В крайнем случае надо высадить его просто кулаком — даже если тебя застрелят за это на месте. С тех пор Жаклин старается, чтобы Терпсихора всегда стояла где надо,— уборщица иногда снимает ее с подставки и забывает водрузить на место.

Сегодня с самого утра телефон работает с полной нагрузкой. Уже звонили из банка; битый час нес галантную галиматью Рене; дважды или трижды вызывал инженер из Бордо, ведущий по заказу немцев строительство на побережье; допытывался, где именно отдыхает Жак-Анри, страховой агент. Адъютант генерала Пиккеринга предупредил, что его начальник будет в Париже завтра и завтра же хочет видеть господина Леграна; некто, назвавшийся «техником», попросил внимательно отнестись к открытке с видом на Нотр-Дам, подчеркнув, что марка не имеет значения.

«Надо ли это записать?» — думает Жаклин. Она боится забыть что-нибудь и вызвать неудовольствие Жака-Анри. И почему только он так сдержан и суров с нею?

Жаклин открывает бювар и заносит в него: «Нотр-Дам. Марка?» И тут же начинает опять трезвонить телефон.

— Приемная месье Леграна. У аппарата — секретарь.

Жаклин выучилась произносить эти фразы профессиональной скороговоркой, экономящей время и терпение клиента.

— Господин Легран у себя?

— Он отдыхает в Фонтенбло.

— Жаль. Когда он будет?

— В среду.

— Это точно?

— Разумеется! В среду вечером у него ответственная встреча. Как доложить о вас, когда он вернется?

— Я позвоню в среду.

Французский язык говорящего холодно-правилен. В нем нет беглой небрежности, отличающей речь настоящего француза от школьных оборотов иностранца. Жаклин вспоминает о человеке, который должен вызвать сеньора Переза, и ждет продолжения, но в трубке уже звучат сигналы отбоя.

В полдень Жаклин идет обедать. На углу за ней увязывается шпик. Жаклин нисколько не встревожена. Шпиков на парижских улицах столько, что скоро горожане растворятся среди них, как капли масла в супе. Политический и уголовный отделы полиции конкурируют с немецкими контрразведками, и частенько их сотрудники приклеиваются к людям просто так, на всякий случай. В каждом французе призывного возраста им чудится террорист, а в девушках — связные маки. По ночам все чаще патрули находят офицеров и солдат с перерезанными глотками, а стены домов приходится перекрашивать, уничтожая лозунги, выписанные деголлистами... Случается, что шпики, пристроившись к прохожим, удивительнейшим образом выходят на верный след; Жаклин так и не может понять, что именно здесь приходит им на помощь — интуиция или удача? Или решающим оказывается то обстоятельство, что бо́льшая часть молодежи действительно так или иначе связана с подпольем и выполняет задания маки или эмиссаров Лондона?.. Проводив Жаклин до кафе, шпик, не очень-то и скрываясь, ныряет в телефонную будку. Жаклин заказывает обед. Если бы полицейский заподозрил что-нибудь серьезное, он давным-давно остановил бы ее и проверил документы. Сейчас он скорее всего звонит в комиссариат и пытается навести справку по картотеке описаний. Ее портрета там нет. Точнее, там отсутствует словесная характеристика ее «нового лица», совсем не похожего на старое... Жаклин ест луковый суп и размышляет о тех юношах и девушках, которые именуют себя «солдатами Свободной Франции». Подростки, почти дети, они оказались втянутыми в войну и ведут ее наравне со взрослыми. Мальчики со стэн-ганами под полами пиджаков и девочки, носящие в сумочках не любовные записочки, а пластиковые бомбы,— они не доживут до победы. За что они воюют? За Францию? За какую?.. Господа, присылающие из Лондона оружие, конечно, тоже патриоты, но их патриотизм как небо от земли отличается от того, который побудил на борьбу Пьера или старых товарищей Жаклин по отряду полковника Бло — отличного парня, в мирной жизни профсоюзного организатора заводов «Рено»...

Жаклин выходит на улицу и осматривается. Шпика нет и в помине. За кем он потопал сейчас? Дай ему бог сломать себе ногу!

Телефоны в конторе надрываются.

— Господин Легран будет в среду...

— Будет в среду...

— В среду...

И опять:

— Господин Легран отдыхает! Что прикажете передать?

Ровно в четыре приходит рассыльный из отеля «Пиккарди». Жаклин отдает ему два письма и открытку с марками, на которых изображен зеленый баобаб. Кому предназначены письма и как рассыльный доставит их по назначению, Жак-Анри не говорил. Не то что он не доверяет Жаклин, но так уж заведено в «Эпок» — каждый делает свое. Вряд ли и мальчуган — вылитый Гаврош! — догадывается об осведомленности Жаклин. Наверное, считает ее намалеванной дурой, не посвященной в подлинное значение писем и открытки. Жаклин протягивает ему двадцать су и выпроваживает из конторы, отказав в просьбе ссудить сигаретой.

— Рано куришь, малыш!

— Подумаешь! — морщит нос Гаврош.— Копишь деньги на чулки?

Жаклин шлепает его по заду, и парнишка вылетает в коридор. Рука у Жаклин тяжелая, недаром отец ее за долгую жизнь вспахал и засеял бог весть сколько гектаров земли в Бретони. Земля была чужой, и Жаклин, помогая отцу, как и он, мечтала о собственной.

Телефон звонит опять.

— Приемная господина Леграна?

— Да. Здесь секретарь месье Леграна.

— Передайте ему, что в Дьемме холодно и сплошные осадки.

— Неужели? А у нас были сведения, что там тепло.

В трубке пауза. Потом мужской голос, торопясь, доканчивает:

— Интересующий Леграна вопрос удалось разрешить. Тот человек уехал на Восток и живет теперь в Синельникове. Вы поняли меня? В Синельникове. Это на Украине.

— Да,— говорит Жаклин.

Она уже настолько в курсе дела, что может догадаться, что «тот человек», по всей видимости, какой-нибудь генерал вермахта, а штаб его дислоцируется в Синельникове.

— Я передам,— говорит она.

— Скажете, что звонил Шарль.

Такие вещи записывать нельзя. Жаклин повторяет про себя сообщение несколько раз, утрамбовывая его в памяти. Жак-Анри, вернувшись в среду, будет доволен ею.

Продолжение следует.

МОРЖ-МУЗЫКАНТ

Живущий в гамбургском зоопарке морж умеет играть на губной гармонике. Но музицирует он только перед обедом.

НАХОДКА В ОГОРОДЕ

Работая в огороде недалеко от города Сортавала, Карельской АССР, М. Д. Ревенок обнаружил в земле четырехугольную шведскую монету, выпущенную в 1740 году. Она сделана из латуни и весит около 400 граммов. Сейчас монета экспонируется в комнате краеведения Сортавальского районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Т. ХАККАРАЙНЕН

МАЧЕХА **Фото А. Щербакова.**
Лубны,
Полтавская область.

ДОМАШНИЙ ПТИЧИЙ БАЗАР

Югослав Драго Херич из Вараждина — обладатель крупной коллекции птиц. В его доме в клетках живет более трехсот пернатых.

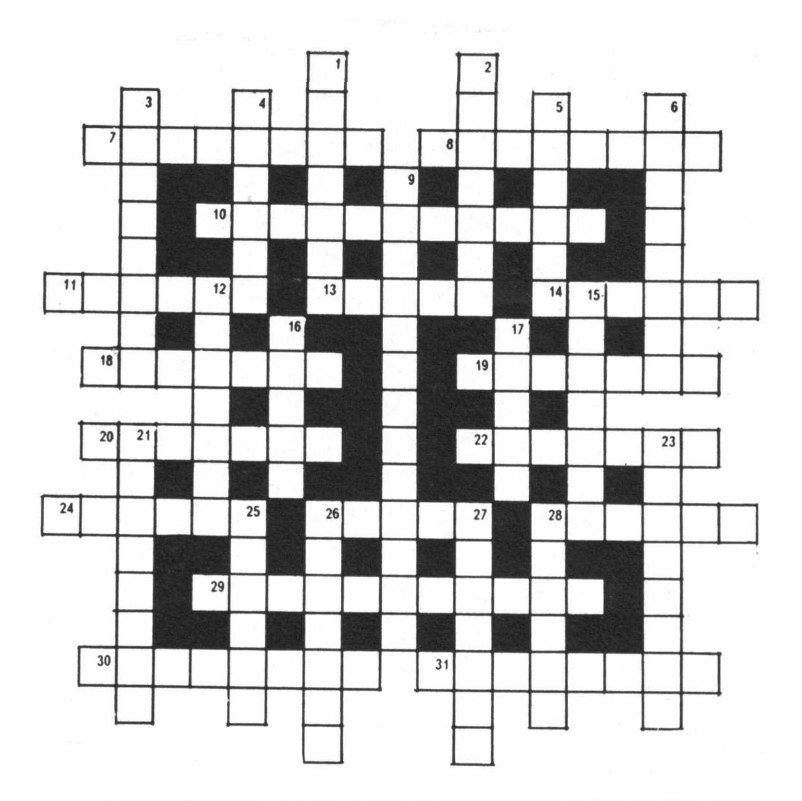
ИНЖЕНЕР-ЧЕКАНЩИК

Одна из комнат квартиры напоминает зал музея. Здесь обилие художественных изделий из меди, латуни и алюминия: красивые подсвечники, пепельницы, оригинальные браслеты, броши, перстни, кольца. Автор этих предметов — инженер куйбышевского машиностроительного завода В. И. Воронин. Все свое свободное время Владимир Иванович отдает любимому занятию.

В. ГАПЛЫКОВ

Редакция журнала «Огонек» выражает сердечную благодарность органу ЦК МНРП — газете «Унэн», Союзу журналистов МНР, сотрудникам посольства МНР в СССР, всем монгольским друзьям и коллегам за сотрудничество и помощь в подготовке материалов этого номера, посвященных 50-летию Монгольской народной революции.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Музыкально-сценическое произведение. 8. Птица отряда куликов. 10. Город-герой. 11. Пчеловодное хозяйство. 13. Мужской голос. 14. Денежная единица Польши. 18. Металлический барометр. 19. Тригонометрическая функция. 20. Итальянский астроном. 22. Кормовая репа. 24. Парусный корабль. 26. Музыкально-поэтическое произведение. 28. Голландский мореплаватель XVI века. 29. Гриб. 30. Наука о жизни, о живой природе. 31. Автор поэмы «Пан Тадеуш».

По вертикали: 1. Перерыв между отделениями концерта. 2. Землеройно-транспортная машина. 3. Цитрусовое дерево. 4. Римский философ. 5. Метод научного исследования. 6. Газетно-журнальный жанр. 9. Режиссер, педагог, теоретик театра. 12. Остров в Средиземном море. 15. Надпись на монетах, медалях. 16. Кровельный материал. 17. Шерстяная пряжа для вышивания и вязания. 21. Русский композитор. 23. Народное сказание. 25. Молочный продукт. 26. Гидротехническое сооружение. 27. Приток Дуная. 28. Легкая дорожная коляска.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 4. Макаренко. 5. «Риголетто». 10. Трактат. 11. Бредина. 15. «Тайна». 16. Палатка. 18. Овраг. 19. Криптон. 20. Ударник. 21. Смерч. 22. Антраша. 25. Мимас. 28. Микулин. 29. Лаванда. 31. Благодать. 32. Терракота.

По вертикали: 1. Америка. 2. Кроль. 3. Вологда. 6. Глава. 7. Терек. 8. Транспортир. 9. Универсиада. 12. Бахрома. 13. Кафедра. 14. Барибал. 16. Пенза. 17. Акула. 23. Наина. 24. Шпага. 26. Суббота. 27. Кальман. 30. Топаз.

На первой странице обложки: 1. Забойщик шахты «Налайха» Каясай. 2. Верблюдовод из Южного Гоби Цециксурэн. 3. Выступление Монгольского национального танцевального ансамбля.

На последней странице обложки: 1. Памятник Сухэ-Батору в Улан-Баторе. 2. Дархан. В детском городке.

Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/VI-71 г. А 00583. Подп. к печ. 6/VII-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1330. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1498.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ОСТРОВ РЫБАКОВ

Будет буря, мы поспорим!..

11 июля — День рыбака

...И поднялся во время оно из морской пучины остров. Сегодня, тысячелетия спустя, его называют Хийумаа. Здесь живут рыбаки. А вообще люди на Хийумаа появились еще в XIII веке; они нашли лишь камень и песок, так что остров не стал для них землей обетованной. Но это были трудолюбивые люди. Трудолюбивые и вместе с тем отчаянные. Часть из них спустя много лет покинула остров, пустилась в далекое плавание. Искатели счастья одолели многие моря, Атлантику и Индийский океан, а по железной дороге добрались до берегов Дальнего Востока. Так уж получилось, что сейчас потомки первооткрывателей Хийумаа живут на западной и восточной границах Советского Союза. И на западе и на востоке они ловят рыбу.

Хийумаа — развитый в экономическом и культурном отношении остров. Здесь девять колхозов и совхозов.

Рыбаки — их колхоз так и зовется «Хийуский рыбак»,— под руководством председателя Хуго Майде ловят салаку, крупный частик, угрей. Зимой охотятся с ружьями на тюленей. Интересно, что рыбаки занимаются и добычей морских водорослей. Водоросли отправляют на кондитерскую фабрику в Таллин, а там из них изготавливают эстагар, без которого не сделаешь мармелада.

Островитяне — работящий и остроумный народ. Они возделывают поля, играют в бридж, ловят рыбу и варят знаменитое хийское пиво, а без перетягивания каната не обходится на острове ни один день рыбака и ни один народный праздник.

А. ВИСТ

Фото В. САЛЬМРЕ.

Перед выходом в море.

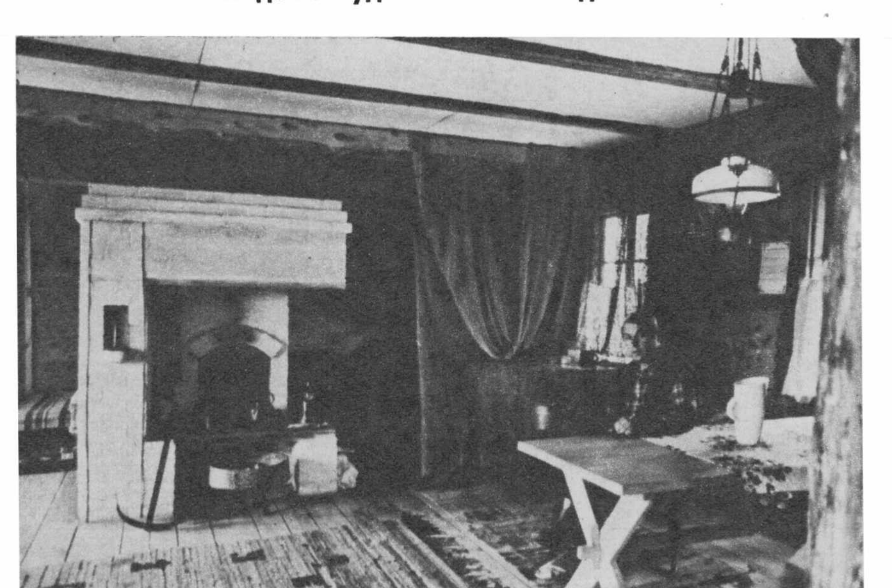

До свадьбы молодые должны показать, умеют ли они прясть и рубить.

Тетушка Э. Вартинш, старожил острова Хийумаа.

В доме художника А. Вийдалепп.

Утро. Штиль.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.